

Патрушев Сергей

Тёмный маг
императора

Сергей Патрушев

Тёмный маг императора

«Автор»

2026

Патрушев С.

Тёмный маг императора / С. Патрушев — «Автор», 2026

Он тень, которая не отбрасывает света. Дрейк служит империи Ливантия: проникает в чужие сны, выжигает чёрным пламенем, стирает память и танцует на балах с теми, кого завтра забудет. Император Алекс зовёт его оружием. Знать — проклятием. Женщины — загадкой. А он сам не помнит, кем был до тьмы. Но однажды в его сознании открывается дверь, которую он сам когда-то запечатал. За ней мать, которую он не должен помнить. Предательство, которое он не должен простить. И вопрос, от которого не спрятаться даже в тени: кто ты, если вся твоя жизнь лишь чужая иллюзия? Он умеет погружать в сон самых сильных магов. Но сможет ли он пробудить себя?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шёпот в темноте	5
Глава 2. Тайный совет	11
Глава 3. Приказ короля	18
Глава 4. Допрос в темнице	24
Глава 5. Бал масок	30
Глава 6. Черное пламя возмездия	37
Г	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Патрушев

Тёмный маг императора

Глава 1. Шёпот в темноте

Ночь в столице всегда пахла одинаково: остывающим камнем, конским навозом, дешевой похлебкой из таверн и сладковатым дымом из алхимических лабораторий Верхнего города. Для Дрейка этот запах был запахом дома. Не того, где ждут и где горит очаг, а того, где тело чувствует себя пугающе свободным, а разум становится острее бритвы.

Он стоял на карнизе третьего этажа особняка барона Валериуса, вцепившись пальцами в стык между гранитными блоками. Внизу, под мерцающим светом масляных фонарей, патрулировали стражники в начищенных кирасах. Для них ночь была временем службы, скучной и холодной. Для Дрейка ночь была тканью, из которой он мог вырезать себе любой путь.

Задание императора Алекса звучало до смешного просто: барон Валериус, один из богатейших землевладельцев западных провинций, задумал мятеж. Он собирал золото, переманивал на свою сторону младших офицеров гарнизона и вел тайную переписку с вождями кочевников из Пустошей. Император не хотел крови. Не сейчас, когда империя только-только залечила раны после войны с Северным Союзом. Публичная казнь уважаемого барона вызвала бы ропот в Совете Лордов.

Алексу нужен был не мертвый предатель. Ему нужна была абсолютная лояльность. Страх, который выглядит как добровольное раскаяние.

Дрейк закрыл глаза.

Магия тени не была магией в привычном понимании этого слова. Огненные маги выдыхали пламя, водные — управляли потоками. Они меняли мир вокруг себя грубой силой. Тени же ничего не меняли. Они просто заполняли пустоты, которые всегда существовали в мире, но оставались незамеченными. Тень от ставни, упавшая на стену. Тень от облака, накрывшая площадь. Тень от ресниц, скрывшая зрачок.

Дрейк выдохнул, и его фигура, облаченная в простой темный дублет, начала терять плотность. Он не становился невидимым. Он становился частью темноты. Стражник внизу остановился, протер глаза и недоуменно посмотрел на стену особняка. Ему на секунду показалось, что стык между камнями стал чуть глубже, чернее, словно сама ночь протянула к нему липкий палец. Стражник сплюнул, помянул недобрым словом дешевое вино, выпитое на ужин, и пошел дальше.

Дрейк перетек внутрь.

Внутри особняка пахло иначе. Воском, дорогим сандалом и застарелым потом власти. Здесь не было стражи — барон Валериус считал, что его личная гвардия у входа и зачарованные замки на дверях спальни стоят целой армии. Он был богат, самоуверен и совершенно не готов к тому, что замок на его окне рассыпался черной пылью от одного лишь прикосновения Дрейка к медной ручке.

Спальня тонула в бархате. Огромная кровать под балдахином из темно-красного шелка, шкуры редких зверей на полу, столик с недопитым вином и рассыпанными документами. Дрейк скользнул вдоль стены, избегая лунного света, падающего из высокого окна.

Барон Валериус спал. Его мощная грудь, затянутая в шелковую ночную сорочку, мерно вздымалась. На столике рядом с кроватью лежал открытый футляр с печатями — те самые письма кочевникам. Дрейк на мгновение задержал на них взгляд, запоминая расположение каждой печати, каждое пятно воска. Память у него была абсолютной, еще одним даром, который требовала его работа.

Он не спешил. Торопливость — мать ошибок, а ошибки в спальне мятежного лорда заканчиваются либо звоном стали, либо визгом, который перебудит половину квартала. Дрейк опустился на одно колено в самом темном углу комнаты, там, где тени от шкафа и кресла сливались в густой, непроглядный омут.

Он начал тянуть.

Это не было похоже на заклинание. Не было пассов руками или шепота на мертвых языках. Дрейк просто *позволил* теням в комнате стать гуще. Сначала они просто сгустились в углах, затем поползли по ножкам мебели, по складкам балдахина. Лунный свет на полу начал сужаться, словно невидимые шторы медленно задвигались со всех сторон.

Барон Валериус пошевелился во сне. Пробормотал что-то неразборчивое, перевернулся на спину.

Дрейк шагнул из своего угла. Он не шел по полу — он перетек вместе с движением сгустившейся тьмы, оказавшись в изножье кровати. Теперь лунный свет падал только на лицо барона, оставляя самого Дрейка в абсолютном, первобытном мраке.

— Барон, — произнес Дрейк.

Его голос не отразился от стен. Он родился прямо в голове Валериуса, миновав уши. Это был не звук, а чистая мысль, облеченная в акустическую форму.

Валериус распахнул глаза. Он не дернулся, не закричал. Липкий, первобытный ужас парализовал его мышцы. Он смотрел прямо перед собой, но видел не человека. Из темноты в изножье кровати на него смотрели два глаза. В них не было белков, не было зрачков — только абсолютная, затягивающая пустота, в которой медленно вращались тусклые, похожие на пепел звезды.

— Ты спишь, барон, — продолжил шептать голос в голове Валериуса. — Это самый глубокий сон в твоей жизни. Сон, в котором нет лжи.

Тени вокруг кровати начали двигаться. Они отделялись от стен, принимая смутные, пугающие формы. Дрейк не создавал их из ничего — он лишь давал волю тому, что барон прятал в своей душе годами.

Из тьмы соткался трон. Не золотой, имперский, а грубый, деревянный, из почерневшего дуба, какие ставят в залах вождей кочевников. На троне сидел сам Валериус, но другой — старше, с запавшими глазами, в шкуре пещерного медведя. Вокруг него были на луну тени в волчьих шкурах.

— Ты хотел власти, — шептал Дрейк, обходя кровать. Теперь он стоял у самого плеча барона, и тот чувствовал исходящий от него могильный холод. — Настоящей власти. Не титула, который тебе дал мой император, а той, что заставляет континенты дрожать.

Иллюзия набирала силу. Дрейк не лгал барону — он лишь показывал ему его собственные желания, очищенные от шелухи дипломатии и оправданий.

В видении Валериус стоял на холме. Внизу, насколько хватало глаз, пылали города империи. Кочевники на низкорослых мохноногих лошадях вырезали мирное население. Небо было черным от воронья. Валериус на троне улыбался, но улыбка его была гримасой мертвеца.

— Смотри, — велел Дрейк.

Тени сгустились в центре спальни, формируя новую картину. Теперь это был пиршественный зал в столице. За длинным столом сидели другие лорды. Император Алекс сидел во главе. Когда видение Валериуса вошло в зал, лорды не встали. Они даже не подняли глаз. Они продолжали есть, пить, смеяться. На столе перед ними лежало блюдо.

На блюде, украшенный петрушкой, лежал его собственный, барона Валериуса, глаз.

— Это цена предательства, — шептал Дрейк ему на ухо. — Не смерть. Смерть — это милость. Предательство, барон, — это забвение. Тебя вычеркнут. Твои земли отдадут безродным выскочкам. Твое имя будут использовать как ругательство пьяные стражники. Твои дети

отрекутся от тебя первыми, чтобы сохранить свои головы. Твоя кровь высохнет, и о ней никто не вспомнит. Ты станешь пылью в архивах, которую смахнут тряпкой.

Валериус начал дрожать. По его вискам градом катился пот, хотя в спальне стало невыносимо холодно. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара.

— Но есть другой путь, — голос Дрейка стал мягче, вкрадчивее. Он наклонился ниже, и барон почувствовал, как его шеи касается что-то ледяное, похожее на лезвие, но не ранящее кожу. — Покорность.

Иллюзия сменилась.

Пиршественный зал исчез. Теперь Валериус стоял на коленях в Тронном зале Императорского дворца. Мраморный пол был холодным. Вокруг стояла вся знать империи. Дрейк стоял за его спиной, невидимый для остальных, но барон чувствовал его присутствие каждой косточкой.

На троне сидел Алекс. Молодой, с жестким, волевым лицом и глазами цвета закаленной стали. Он не смотрел на Валериуса с гневом. В его взгляде было лишь холодное, брезгливое любопытство, с каким энтомолог смотрит на редкую, но ядовитую букашку.

— Барон Валериус, — произнес в иллюзии император, и его голос громом раскатился под сводами. — Вы обвинялись в измене. Золото, письма, наем убийц.

Валериус в видении хотел закричать, что это клевета, но горло его пересохло. Он лишь ниже склонил голову.

— Вы признали свою вину? — спросил Алекс.

В реальном мире настоящий Валериус, лежащий на шелковых простынях, издал тихий, булькающий стон. Его губы сами собой прошептали: — Признал...

— Хорошо, — кивнул иллюзорный император. — Ваша жажда власти понятна. Империя велика, и многим кажется, что центр слаб. Но империя стоит не на мечях. Она стоит на верности.

Алекс поднялся с трона. Он медленно сошел по ступеням вниз. Придворные затаили дыхание. Император подошел к коленопреклоненному барону и положил тяжелую руку ему на плечо.

— Ваша жажда останется с вами, барон, — сказал Алекс. — Но теперь она будет служить мне. Вы отдадите свои золотые рудники в казну. Вы распустите свою личную гвардию. Ваши земли будут обложены двойным налогом на десять лет. А вы... вы поедете на Южную границу. Там неспокойно. Вы будете командовать штрафным легионом. Вы будете чистить нужники империи своей честью, барон. И каждый день, просыпаясь в грязи, вы будете благодарить меня за то, что ваша голова все еще на плечах.

В видении Валериус плакал. Слезы, горячие и искренние, текли по его лицу, падая на холодный мрамор. Это были слезы не страха, а абсолютного, всепоглощающего облегчения. Ужас неизвестности ушел. Ему дали правила. Ему дали клетку, и эта клетка казалась спасением.

— Ты слышишь меня, барон? — прошептал Дрейк в реальном мире, касаясь ледяным пальцем виска Валериуса. — Ты любишь императора. Ты презираешь свои глупые амбиции. Кочевники — твои враги. Твоя жизнь принадлежит трону. Каждое твое дыхание — это дар императора.

— Люблю... — прохрипел Валериус. — Презираю... Враги...

Дрейк чуть улыбнулся краем губ. Улыбка эта была пугающей — она не затронула его глаз, оставаясь лишь механическим движением лицевых мышц. Работа была почти сделана.

Он начал отступать. Тени в спальне медленно поползли обратно к стенам, к углам, под мебель. Лунный свет вновь залил комнату, показывая обычную, мирную картину: спящего человека, скомканные простыни.

Валериус открыл глаза.

Он сел на кровати, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле. Он оглядел комнату диким, затравленным взглядом. Никого. Только тени, лежащие на своих обычных местах. Обычные, плоские, нестрашные тени.

Барон дрожащей рукой потянулся к шнуру звонка, вызывая слуг. Но прежде чем дернуть за него, его взгляд упал на столик.

Футляр с письмами был закрыт.

Валериус сорвал крышку. Пергаменты были на месте, но печати... Печати были сломаны. И на самом верхнем письме, прямо на воске, лежал крошечный черный пепел. Пепел, который пах озоном и могилой. Барон взял письмо в руки. Его пальцы дрожали так сильно, что пергамент шуршал, как сухие листья.

Он развернул его.

Его собственный почерк, его собственные слова, призывающие вождей Пустошей ударить в спину имперским легионам. Но теперь, глядя на эти строки, он чувствовал не азарт заговорщика, а приступ тошноты. Буквы казались ему ядовитыми пауками, ползущими по бумаге. Каждое слово кричало о его собственной глупости, о смертном приговоре, который он сам подписал для себя и своей семьи.

— Огня, — прохрипел он, когда в спальню вбежали заспанные слуги с канделябрами. — Живо. И гонца. К императору. С письмом о полной моей преданности. И вызовите ко мне капитана гвардии. Я знаю, кто в нашем окружении работает на Пустоши.

Слуги замерли в изумлении, глядя на бледного, как смерть, господина, который еще вчера вечером с улыбкой обсуждал падение Алекса. Но перечить не посмели.

Дрейк в этот момент уже стоял на крыше соседней пекарни, в двухстах ярдах от особняка. Он стряхнул с пальцев остатки черной пыли. На востоке небо начало едва заметно сереть, предвещая рассвет. Ночь закончилась.

Путь до Серых Палат — личного крыла императора в глубине дворца, куда не допускалась даже дворцовая стража — занял у него двадцать минут. Он прошел сквозь залы, полные просыпающихся фрейлин и зевающих секретарей, оставаясь для них лишь мимолетной тенью в коридоре, легким сквозняком, качнувшим портьеру.

Кабинет Алекса был аскетичен. Никакой позолоты, никаких охотничьих трофеев. Массивный стол из мореного дуба, карта империи во всю стену, несколько кресел для посетителей и узкое окно-бойница, выходящее на тренировочный плац.

Император стоял у этой карты. Он был одет в простую черную рубаху без знаков различия. Только тяжелый золотой обруч на голове выдавал его статус. Алекс не повернулся на звук открывающейся двери. Дрейк никогда не издавал звуков, открывая даже самые тяжелые замки.

— Он сломлен? — спросил Алекс, не отрывая взгляда от западных провинций на карте.

— Он сломлен, ваше величество, — голос Дрейка в тишине кабинета прозвучал ровно и лишено эмоций. — Он будет спать еще час. Проснувшись, он прикажет арестовать своих сообщников, выдаст все золото и будет умолять отправить его чистить нужники на границе, лишь бы доказать свою верность. Он искренне верит, что вы пощадите его из милосердия.

Алекс медленно повернулся от карты. Его глаза, лишённые сейчас всякой теплоты, внимательно изучали Дрейка. Император был единственным человеком в империи, кто не боялся взгляда своего теневого клинка. Он видел в нем не чудовище, а идеально откованный инструмент.

— Милосердие — это непозволительная роскошь, Дрейк, — Алекс подошел к столу, налил в серебряный кубок воды из кувшина и сделал глоток. — Но страх без преданности — это бунт отложенный. Валериус полезен мне живым и лояльным. Его земли важны для снабжения южной кампании. Если бы ты его убил, его наследники продолжили бы войну. Теперь они будут молиться на мой трон, чтобы я не передумал и не отдал их отца кочевникам.

— Я лишь выполняю волю, — склонил голову Дрейк.

— Ты делаешь больше, — Алекс поставил кубок. — Ты сохраняешь форму империи. Глина мягка, пока гончар давит на нее руками. Убери руки — и сосуд развалится. Твой метод... убедителен. Говорят, барон поседел за одну ночь.

— Иллюзия старости — побочный эффект глубокого внедрения в подсознание, — ответил Дрейк. — Его мозг пытается объяснить себе пережитый ужас. Через месяц волосы вернут цвет. Страх останется навсегда.

Алекс едва заметно кивнул. Он подошел к Дрейку вплотную. Император был выше его на полголовы. От него пахло сталью, бумагой и абсолютной властью.

— У меня есть еще одна проблема, — тихо сказал Алекс. — Не на западе. На севере. В Ледяных пиках. Тамошний ярл делает вид, что соблюдает перемирие, но мои люди докладывают, что он скупает селитру и серу в промышленных масштабах. Гром не бьет в ясное небо, Дрейк.

Дрейк не ответил. Он просто ждал, позволяя словам императора осесть в пространстве кабинета.

— Ярл Горм — гордец, — продолжил Алекс. — Он не понимает намеков. И он слишком любит своих сыновей. У него их трое. Старший командует его личной дружиной.

Император сделал паузу, давая Дрейку время осознать задачу. Не убить. Не похитить. Что-то тоньше.

— Я хочу, чтобы старший сын ярла Горма увидел, как его младший брат тонет во льду, — сказал Алекс. — Иллюзия должна быть абсолютной. Он должен слышать хруст льда, чувствовать холод воды, видеть, как жизнь уходит из глаз ребенка. А потом, когда он бросится спасать, лед должен оказаться твердым. И он должен помнить этот ужас — ужас собственного бессилия — каждый раз, когда будет смотреть на подпись отца под мирным договором со мной.

— Ребенок не пострадает? — уточнил Дрейк. Это был единственный вопрос, который он позволил себе задать. Не из жалости. Нарушение условий контракта было недопустимой погрешностью.

— Ребенок будет спать в своей теплой постели в трех милях оттуда, — усмехнулся Алекс. — Я не монстр, Дрейк. Я просто хочу, чтобы мои северные границы были спокойны.

— Когда? — спросил Дрейк.

— Завтра на закате. Ярл устраивает охоту на ледяных волков. Его сыновья всегда идут в первой цепи.

Дрейк молча склонил голову в знак принятия приказа.

— Иди, — кивнул Алекс, возвращаясь к карте. — И, Дрейк...

Дрейк замер у двери.

— Твоя тень сегодня ночью была чуть длиннее обычного, — не отрываясь от пергамента, бросил император. — Следи за ней. Если она начнет отбрасывать собственную тень, империя лишится своего лучшего клинка. А я не люблю терять хорошие инструменты.

Дрейк вышел из кабинета, бесшумно притворив за собой тяжелую дубовую дверь.

Коридоры Серых Палат встретили его привычным полумраком. Он шел, и слуги, попадавшиеся навстречу, инстинктивно вжимались в стены, хотя Дрейк даже не смотрел на них. Он был пуст. Задание выполнено, барон Валериус теперь был верным псом императора, а впереди ждал холодный ветер Ледяных пиков и крик старшего сына ярла Горма.

Дрейк остановился у высокого стрельчатого окна, выходящего на спящий город. Первые лучи солнца окрасили шпили храмов в кроваво-золотой цвет. Он посмотрел на свои руки. Обычные руки, с коротко стриженными ногтями, без шрамов и мозолей. Руки палача, который никогда не касается стали.

Он поднес ладонь к лицу. Между пальцами сгустилась тьма, густая, как смола. Дрейк смотрел в эту черноту. Иногда, в такие минуты, ему казалось, что оттуда, из глубины его собственной магии, кто-то смотрит в ответ. Кто-то древний, холодный и бесконечно голодный.

Он сжал кулак, развеивая тьму.

До заката в Ледяных пиках оставалось девятнадцать часов. Дрейк развернулся и бесшумно растворился в тенях коридора, направляясь в свои покои, чтобы собрать сумку с самым необходимым: мотком зачарованной веревки, пузырьком с вытяжкой из корня мандрагоры для обострения чувств жертвы и пустым разумом, готовым принять в себя чужой ужас.

Глава 2. Тайный совет

Солнце достигло зенита, залив Белый город расплавленным золотом. Внизу, под стенами Императорского дворца, кипела жизнь: торговцы надрывали глотки, расхваливая рыбу, стражники лениво разгоняли нищих, а жрецы Единого культа тянули свои бесконечные гимны. Для них этот день был просто вторником. Для Дрейка он был измерен ударами сердца принцессы Лилианы.

После Ледяных пиков прошло три недели. Задание ярла Горма было выполнено с пугающей, хирургической точностью. Старший сын северного владыки до сих пор просыпался в холодном поту, видя во сне черную воду, смыкающуюся над головой его восьмилетнего брата. Мирный договор, привезенный гонцом два дня назад, был подписан кровью — не пролитой, а застывшей в жилах от ужаса. Император остался доволен. Дрейк получил три ночи сна и новое назначение, которое раздражало его куда больше, чем перспектива замерзнуть в сугробе.

Стать тенью принцессы.

Дрейк стоял на балконе, примыкающем к учебной зале Лилианы. Он не прятался за колонной — в этом не было нужды. Магия тени позволяла ему стать частью архитектурного декора. Для любого вошедшего он был бы лишь густой, почти осязаемой темнотой в дверном проеме.

Принцессе было семнадцать. Возраст цветения, глупых стихов, тайных свиданий и веры в то, что мир вращается вокруг ее красоты. Лилиана сидела на подоконнике, болтая ногами, и читала толстый том в кожаном переплете. Судя по гравюрам на страницах — «Анатомию монстров Северных топей». Дрейк позволил себе легкую внутреннюю усмешку. Кажется, императорская дочь унаследовала от отца не только цвет глаз, но и специфический интерес к тому, что убивает.

За ее спиной, у камина, сидела фрейлина, леди Элеонора. Пожилая, сухая, как пергамент, женщина вышивала шелком лилии. Ее спина была идеально прямой, а движения — выверенными десятилетиями службы. Она не просто охраняла покой принцессы, она сканировала пространство. Дрейк чувствовал ее затылком. Старая школа.

— Я знаю, что ты там, — не отрываясь от книги, сказала Лилиана. — Твоя тень падает на мою страницу. Третий абзац снизу. Ты загородил мне описание ядовитых желез болотной гидры.

Дрейк не шелохнулся. Магия не спала, он оставался невидимым, но принцесса была права. Его физическое тело, скрытое в тенях, все еще отбрасывало вторичную, едва заметную тень в реальном мире. Император предупреждал его об этом.

Он перетек из дверного проема в угол комнаты, где тени от книжных шкафов сходились в плотный клин. — Ваше высочество, — его голос прозвучал тихо, лишенный эха, рождаясь прямо в воздухе между ними.

Лилиана наконец подняла глаза. Она не вздрогнула. В ее взгляде мелькнуло раздражение. — Дрейк. Мы же обсуждали. Когда ты вот так появляешься, у меня по коже бегут мурашки. Это отвлекает от учебы. Если отец хочет, чтобы я вышла замуж за принца Южных островов, мне нужно хотя бы уметь поддерживать светскую беседу, а не подпрыгивать каждый раз, когда оживает портьера.

— Безопасность вашего высочества важнее светской беседы, — ровно ответил Дрейк.

— Безопасность... — Лилиана фыркнула и заложила палец между страницами. — Элеонора говорит, что ты убил сорок человек. Это правда?

— Я не веду подсчет, ваше высочество.

— Но ты их убивал?

— Я устранял угрозы короне. Иногда устранение требует летального исхода.

Принцесса задумчиво посмотрела на него. Она пыталась пробить его броню, найти в этом идеальном орудии убийства что-то человеческое. Дрейк знал этот тип любопытства. Оно было опасным. — Отец сказал, что ты будешь моим телохранителем. Моей... постоянной тенью. Даже на балах? Даже в купальнях?

— Особенно в купальнях, — подтвердил Дрейк. — Вода — отличный проводник для яда, а пар скрывает лезвие убийцы.

Лилиана сморщила нос. — Как романтично. Значит, на моем первом балу совершеннолетия рядом со мной будет стоять человек, от которого пахнет могилой, и смотреть, как я танцую менуэт. Это гарантирует мне успех.

— Я не пахну, ваше высочество, — Дрейк позволил себе каплю иронии. — Я не дышу достаточно часто для этого. И я буду стоять за портьерой. Ваше платье не пострадает от моего присутствия.

В коридоре послышались тяжелые, уверенные шаги. Двери распахнулись, не дожидаясь стука.

Император Алекс вошел в комнату дочери так, словно это был его кабинет. Он был все в той же простой черной одежде, но на поясе висел церемониальный меч, а на плечи был накинут тяжелый плащ из меха северного медведя — знак того, что он только что вернулся с парада или собирался на него.

— Лили, — Алекс коротко поцеловал дочь в макушку. — Прекрати дразнить моего ассасина. Он воспринимает твои шутки как тактические уязвимости.

— Он воспринимает закат как приглашение к убийству, — буркнула принцесса, возвращаясь к книге.

Алекс подошел к Дрейку. Он не понижал голоса — Лилиана все равно была частью этого разговора, хочет она того или нет. — Совет начнется через час. Малый зал. Лорд Гарет снова мутит воду. Он слишком громко скорбит о «старых вольностях», которые мы якобы отобрали у аристократии.

— Гарет глуп, — подал голос Дрейк. — Он считает, что империя — это договор равных. Он не понимает, что империя — это воля одного человека, удерживающая остальных от взаимного уничтожения.

— Именно поэтому он сегодня умрет от скуки, а не от кинжала, — кивнул Алекс. — Я хочу, чтобы ты был в зале. Не за колонной. Среди лордов.

Дрейк едва заметно нахмурился. Магия тени требовала темноты и дистанции. Находиться в ярко освещенном зале, сидеть в кресле, пить вино и при этом сохранять концентрацию для считывания чужих аур — задача на грани его возможностей. — Моя тень будет слишком длинной, — возразил он. — При ярком свете свечей я стану замечен. Любой маг-целитель почувствует искажение пространства.

— Поэтому ты не будешь использовать магию тени для скрытности, — Алекс положил тяжелую руку на плечо Дрейка. — Ты будешь использовать ее для анализа. Сядь в дальнем конце стола. Смотри на их лица. Мне не нужны их слова. Слова лордов — это шелуха. Мне нужно знать, кто из них готов ударить. Кто из них лжет, когда клянется в верности. Твоя пустота, Дрейк, — это идеальный резонатор. Ты — камертон лжи. Отражай их страхи.

— Я буду пустым сосудом, — склонил голову Дрейк.

— Ты будешь моим слухом, — поправил его Алекс. — Иди. Подготовься. Лили, через час ты тоже спустишься. Совет должен видеть, что моя дочь здорова, весела и не боится выходить к людям. Это лучший ответ на шепот заговорщиков.

Малый зал совета пах воском, пылью и старыми претензиями. Двенадцать кресел из красного дерева стояли подковой вокруг пустого места императора. Высокие окна были распах-

нуты, но летний воздух не приносил свежести — он лишь колыхал тяжелые бархатные шторы, в которых наверняка пряталось по одному гвардейцу из личной охраны.

Дрейк сидел в самом последнем кресле, у двери. На нем был простой серый камзол без гербов — одежда младшего сына захудалого барона или доверенного секретаря. Он не прятался. Он просто существовал. Человеческий мозг ленив; он видит то, что ожидает увидеть. Лорды видели в конце стола пустое место, на котором сидит какой-то клерк. Их взгляд скользил по Дрейку, не задерживаясь, словно вода по смазанному жиром камню.

Первым вошел лорд Гарет. Толстый, потный, с лицом цвета вареной свеклы и перстнями на каждом пальце. Он олицетворял старую знать — тех, чьи предки правили землями еще до того, как первый император Алекса объединил разрозненные княжества. Гарет нес свой живот с достоинством осадной башни.

За ним потянулись остальные. Лорд Вэнс, сухой и желчный, чьи земли граничили с Пустошами и вечно страдали от набегов. Леди София, единственная женщина в совете, вдова герцога, чей сын был слишком мал, чтобы править, а значит, ее влияние в совете висело на волоске. Маркиз Торн, молодой и амбициозный, зять Гарета, смотрящий на всех с плохо скрываемым презрением.

Они рассаживались, обменивались кивками, но Дрейк видел не их. Он опустил веки, оставив лишь узкие щелочки. Мир для него изменился.

Звуки отступили на второй план. Шорох бархата, скрип кожи, звяканье шпор — все это стало белым шумом. На первый план вышло свечение.

Каждый человек — это лампа. У кого-то пламя ровное и желтое (спокойствие, сытость), у кого-то — дерганое, синее (страх, тревога). Дрейк не читал мысли. Он читал биохимию страха и алхимию ненависти.

Гарет сел во главе стола, на место, ближайшее к императорскому. От него исходило густое, багровое свечение. Самодовольство. Но под ним, глубоко в ядре, пульсировал черный сгусток. Ненависть. Холодная, расчетливая. Гарет не собирался убивать Алекса сегодня. Он собирался унижить его. Завалить жалобами, потребовать возврата налоговых привилегий, заставить императора публично признать «права аристократии». Это была прелюдия к мятежу.

Рядом с ним сидел маркиз Торн. Его аура была похожа на клинок — острая, блестящая, голодная. Молодость и нетерпение. Он хотел власти сейчас, не дожидаясь, пока старый Гарет умрет от подагры. Торн излучал азарт игрока.

Лорд Вэнс светился тусклым, серым огнем. Страх. Его земли разорялись, казна пустела, а император требовал рекрутов для южной кампании. Вэнс был на грани отчаяния. Он был идеальным материалом для заговора — человеком, которому нечего терять.

Двери снова открылись.

Вошел Алекс. Он не надел корону, но само его присутствие сгустило воздух в зале. Император сел в свое кресло. Дерево едва слышно скрипнуло под его весом.

— Лорды, — голос Алекса заполнил зал, не повышаясь. — Я рад видеть ваши лица. Надеюсь, лето благоприятствует вашим урожаям.

— Лето благоприятствует пыли на дорогах, Алекс, — тут же отозвался Гарет, даже не дав императору закончить ритуальную фразу приветствия. — И пыли в моих сундуках, которую выгребают ваши сборщики налогов.

Началось. Дрейк, сидевший с полуприкрытыми глазами, сосредоточился на Гарете. Он позволил своей магии течь. Это не было атакой. Он просто представил, что его собственное сознание — это гладь черного озера. И он позволил эмоциям Гарета упасть в это озеро.

Когда магия Дрейка касалась чужой ауры, она не брала — она зеркалировала.

Дрейк почувствовал, как воротник камзола внезапно стал ему тесен. По спине пробежал липкий пот. Это был не его пот. Это был липкий, холодный страх Гарета, который тот маскировал под гнев. Барон боялся. Боялся не Алекса, а будущего. Он видел, как империя меняется.

Как строятся дороги, по которым едут имперские легионы, минуя его заставы. Как почта летит быстрее его собственных курьеров. Гарет чувствовал, что становится ненужным. Его власть, основанная на праве рождения, таяла, как снег весной.

— Налоги — это цена безопасности, лорд Гарет, — ровно ответил Алекс. — Ваших северных замков, которые я укрепил за свой счет, и ваших южных виноградников, которые не сгорели благодаря моим магам-погодникам.

— Укрепили, чтобы поставить там свои гарнизоны! — взвизгнул Гарет, ударив пухлым кулаком по столу. — Ваши солдаты ходят по моей земле! Они смотрят на моих крестьян! В старые времена за такую дерзость вас бы вызвали на суд чести!

Дрейк перевел фокус на Торна. Молодой маркиз сидел, закинув ногу на ногу. Его лицо выражало скуку, но аура пылала. Торт наслаждался. Он ждал, когда Гарет перебьет палку. Торт хотел, чтобы Гарет спровоцировал Алекса. Потому что в случае открытого конфликта император был бы вынужден казнить Гарета. А Торт, как наследник и муж его дочери, получил бы земли, титул и место в Совете, скинув с шеи контроль старого интригана.

— Суд чести требует наличия чести, лорд Гарет, — холодно парировал Алекс. — А честь не прячется за спинами кочевников, подписывая с ними бумаги.

Гарет осекся. Его багровое лицо пошло белыми пятнами. Это был удар в цель. Император намекнул на те самые письма, которые Дрейк нашел в спальне барона три недели назад. Гарет думал, что это тайна.

Дрейк почувствовал, как черный сгусток в ауре Гарета дрогнул. К страху и ненависти добавился новый оттенок. Паника.

— Это клевета! — просипел Гарет.

— Это доклад моей разведки, — Алекс взял со стола пергамент. — Но мы отвлеклись. Лорд Вэнс, я слушаю вас. Говорят, кочевники сожгли три деревни на вашей границе?

Вэнс вздрогнул, вырванный из своей серой апатии. Он встал, неловко поклонился. — Да, ваше величество. Степняки обнаглели. Нам нужны дополнительные легионы. И золото на восстановление укреплений. Мои люди голодают.

Дрейк коснулся ауры Вэнса. Там не было коварства. Там была выжженная земля. Вэнс действительно любил своих людей — по-своему, грубо, как фермер любит скот. Но он был на грани. Если император откажет в золоте, Вэнс сам откроет ворота кочевникам, просто чтобы его провинция перестала быть полем боя. Он был опасен не как заговорщик, а как слабое звено.

— Золото будет, — кивнул Алекс. — Из конфискованных земель Валериуса. Дрейк, будь добр, передай казначею приказ о выделении ста тысяч золотых маркизу Вэнсу на фортификацию.

Все головы за столом повернулись. Лорды только сейчас осознали, что серый человек в конце стола — не секретарь. Секретари не встают и не выходят из зала по кивку императора, чтобы передать приказ.

Дрейк поднялся. Он не поклонился. Он просто сделал два шага к двери, открыл ее и вышел. В наступившей тишине было слышно, как в коридоре звонко отдаются его шаги.

Когда дверь за ним закрылась, зал взорвался.

— Это шутка, Алекс? — первым опомнился Гарет. — Ставить палача на один уровень с нами? Заставлять его передавать финансовые указы?

— Дрейк — мой указующий перст, — голос императора стал стальным. — А вы, лорд Гарет, кажется, забыли, что находитесь не в таверне, а в моем доме. Финансовый вопрос решен. Что еще?

Леди София, до этого молчавшая, подалась вперед. Ее аура была сложной — клубок из материнской тревоги и змеиного расчета. — Ваше величество, пока мы обсуждаем золото и стены, во дворце говорят о другом. Говорят, ваша дочь... нездорова. Говорят, она отказывается

от еды и целыми днями читает книги о монстрах, пугая фрейлин. Говорят, ее не видели на людях уже месяц.

Вот оно. Дрейк, стоявший в коридоре у двери, сжал кулак. Это был классический удар. Удар по наследнице. Если принцесса больна или безумна, право Алекса на престол становится шатким. Совет может потребовать регенства. А регентом станет тот, у кого больше золота и влияния. Например, лорд Гарет.

— Принцесса Лилиана цветет, как майская роза, — ответил Алекс, даже не дрогнув. — Она просто умнее вас, леди София, и понимает, что управлять провинцией, полной ядовитых тварей, нужно зная их анатомию. Сегодня вечером вы сами сможете убедиться в ее здоровье. Бал в честь летнего солнцестояния. Я хочу видеть там всех. В танцевальных туфлях, а не в подкольчужниках.

Дрейк вернулся в зал. В руках у него был пустой серебряный поднос. Он подошел к столу, поставил его перед императором и встретился взглядом с Гаретом.

Гарет смотрел на него. Впервые за весь совет барон смотрел на Дрейка по-настоящему. До него дошло. Человек, который только что передал приказ о ста тысячах золотом, сидел в тени весь прошлый месяц. Он слышал их шепот в курительнях, он видел их тайные встречи в пригородных виллах. Дрейк был не оружием. Он был доказательством. Живым напоминанием о том, что случилось с бароном Валериусом.

Гнев Гарета сменился липким, животным ужасом. Дрейк позволил ему это почувствовать. Он чуть приоткрыл заслонку своей магии, и на долю секунды Гарету показалось, что тени в углах зала вытянулись, склонились над ним, и у них есть зубы.

Барон побледнел и схватился за сердце. — Мне... нехорошо, — прохрипел он. — Прошу прощения, ваше величество. Воздух... здесь слишком душно.

Гарет начал неуклюже выбираться из-за стола. Торн вскочил, чтобы поддержать тестя, но сделал это с такой брезгливостью, что это заметили все. Старый лев показал слабость, и молодой волк уже примерялся к его горлу.

— Разумеется, лорд Гарет, — кивнул Алекс. — Дрейк, проводи лорда до его кареты. Убедись, что лекарь уже там.

Это не было просьбой. Это был приказ. Унизительный, демонстративный приказ.

Дрейк подошел к Гарету. Барон отшатнулся от него, как от прокаженного. — Не прикасайся ко мне, тень! — взвизгнул он.

— Как прикажете, — ровным тоном ответил Дрейк. — Я буду следовать в трех шагах позади. Если вам станет хуже на лестнице, я прикажу гвардейцам нести вас.

Они вышли из зала. Дрейк шел за тяжело дышащим, потеющим бароном по мраморным коридорам. Он слышал, как бьется сердце Гарета — загнанно, аритмично. Он видел, как дрожат пухлые руки лорда.

Заговор был. Он был рыхлым, построенным на страхе и жадности, но он был. Гарет был его кошельком, Торн — кинжалом, а Вэнс — пушечным мясом, которое они собирались бросить в топку войны, чтобы ослабить центр.

Оставив Гарета на попечение лекаря у черного входа, Дрейк не вернулся сразу в зал. Он прошел по галерее, выходящей во внутренний сад.

Там, под сенью лип, стояла Лилиана. Она сбежала с урока каллиграфии. В руках она держала яблоко и с аппетитом его грызла, глядя на гвардейцев, фехтующих на плацу.

Дрейк шагнул из тени колонны.

— Ваше высочество нарушают приказ императора о нахождении в учебных комнатах, — произнес он.

Лилиана подскочила, едва не подавившись яблоком. — Дрейк! Я же просила! Ты специально это делаешь? У меня от твоего голоса волосы седеют!

— Это побочный эффект, — Дрейк подошел ближе. — Лорд Гарет только что покинул совет. Ему стало дурно.

— Из-за тебя? — с надеждой спросила принцесса.

— Из-за осознания того, что его заговор известен, — Дрейк посмотрел сверху вниз на девушку. — Вы действительно читаете книги о монстрах?

Лиана смутилась на секунду, но потом вздернула подбородок. — Кто-то же должен знать, что делать, когда кочевники или эти южные фанатики решат, что меня проще убить, чем выдать замуж. Отец дал мне тебя, чтобы защитить от клинка. Но клинок — это просто. Клинок я вижу. А вот улыбку маркиза Торна, когда он предлагает мне вино, я прочесть не могу.

Она была права. Торт был самым опасным элементом. Гарет — это шум. Торт — это тишина перед ударом.

— Маркиз Торт хочет вашей смерти не больше, чем хочет лишиться своих земель, — сказал Дрейк. — Он хочет власти. Если вы выйдете за него замуж, он получит все земли Гарета. Вы для него — ступенька.

Лиана задумчиво доела яблоко и выбросила огрызок в кусты, попав точно в мраморную вазу. — Значит, на балу мне стоит пролить вино на его лучший камзол и отравить ему ногу? — спросила она с невинным видом.

Дрейк на мгновение замер. Он анализировал ее слова, ища в них шутку. Логика подсказывала, что это была шутка. Но его жизненный опыт кричал, что это эффективный способ вывести противника из равновесия. — Это создаст дипломатический инцидент, — осторожно ответил он. — Но с точки зрения тактики — нецелесообразно. Вы испортите свое платье.

Лиана рассмеялась. Впервые за время их знакомства Дрейк услышал, как она смеется по-настоящему — звонко, заливисто, как обычная девчонка, а не как запертая в золотой клетке птица. — Ты ужасен, Дрейк. Но с тобой... на удивление спокойно.

Она повернулась и пошла обратно к лестнице, ведущей в ее покои.

— Ваше высочество, — окликнул ее Дрейк. — Что? — она обернулась.

— На балу держитесь центра зала. Не пейте из кубков, которые подает лично маркиз. И если увидите, что я смотрю на люстры — немедленно падайте на пол.

Лиана закатила глаза. — Я думала, мы перешли на «ты», когда ты сказал, что я испорчу платье.

— Мы не переходили, — отрезал Дрейк и растворился в тени ближайшей статуи.

Он вернулся в Малый зал совета. Алекс все еще сидел в кресле. Лорды сидели притихшие, перебирая бумаги.

Император поднял на Дрейка глаза. — Ну? — спросил он одними губами.

Дрейк подошел и склонился к его уху, оставаясь стоять. Он не имел права сидеть в присутствии императора. — Гарет сломлен. Он побежит к своим союзникам зализывать раны. Настоящая угроза — Торт. Он наблюдает за стариком, ожидая момента. Вэнс на грани бунта, если не получит золото сегодня к вечеру.

— Золото он получит, — кивнул Алекс. — А Торт... Торт любит жизнь. У него молодая жена и страсть к породистым лошадям. Напомни ему об этом.

— Как прикажете, — Дрейк выпрямился.

— И, Дрейк, — Алекс задержал его взглядом. — На балу сегодня. Лиана...

— Она под моей защитой, — закончил за него Дрейк. — Даже если она решит танцевать на столе.

Уголок губ императора дрогнул в подобии улыбки. — Она не будет танцевать на столе. Она будет танцевать с сыном герцога Орвина. Я устраиваю их брак. Это свяжет нам руки на востоке. Проследи, чтобы вино было разбавлено ровно настолько, чтобы гости были веселы, но не болтливы.

Дрейк поклонился и вышел.

Солнце клонилось к закату, окрашивая шпили дворца в цвет запекшейся крови. Ночь, время его настоящей работы, только начиналась. Впереди был бал. Море лиц, море лжи, море скрытых кинжалов.

Дрейк шел по коридорам, и стража брала на караул. Он чувствовал тяжесть своей пустоты. Быть тенью принцессы означало не просто прятаться в углах. Это означало стать щитом, который примет удар, предназначенный ей. А удары в спину — его специальность.

Он остановился у дверей в покои Лилианы. Заглянул внутрь. Принцесса, уже переодетая в домашнее платье, яростно спорила с Элеонорой о чем-то, связанном с вышивкой.

Дрейк шагнул в сторону, сливаясь с дверным косяком. Он опустил веки, переходя на магическое зрение.

Вокруг Лилианы сиял чистый, ослепительно белый свет. Никаких темных пятен. Никакой фальши. Только яркая, упрямая, немного колючая жизнь.

Дрейк позволил себе на секунду опереться плечом о стену. Защищать свет было куда тяжелее, чем нести тьму. Тьма не боится запачкаться. Свет же разбивается от одного неосторожного камня.

Он выпрямился, поправил скрытые под камзолом метательные иглы и стал ждать вечера.

Глава 3. Приказ короля

Бал закончился под утро.

Для гостей это была ночь музыки, интриг и приторно-сладкого вина. Для Дрейка это была смена из двенадцати часов непрерывного напряжения, где каждый поворот торса и каждый взмах веера анализировались на предмет скрытого оружия. Он двигался по залу бесшумной, размытой тенью, игнорируя брезгливые взгляды придворных дам и настороженные — гвардейцев. Он был призраком в собственном доме, и это положение вещей устраивало всех.

Лилиана вела себя безупречно. Она танцевала с сыном герцога Орвина, смеялась над шутками престарелого барона Кролла и даже умудрилась пролить бокал ледяного шербета на камзол маркиза Торна, когда тот подошел слишком близко со спины. Торт побледнел от ярости, но, встретившись взглядом с Дрейком, стоявшим за плечом принцессы, лишь выдавил улыбку и ретировался. Белый шелк платья Лилианы был безнадежно испорчен, но ее аура сияла чистым триумфом.

Теперь, когда последние кареты разъехались, а слуги гасили канделябры, Дрейк стоял в кабинете императора. Алекс сидел за столом, массируя переносицу. На его лице проступала усталость, которую он не позволял себе показывать даже перед лицом мятежных лордов.

— Торт затаил злобу, — произнес Дрейк, не дожидаясь вопроса. — Но действовать будет не раньше, чем Гарет оправится от приступа. Девочка хорошо сыграла. Испорченный камзол стоил нам ста тысяч золотом, но спас репутацию.

— Сто тысяч — это цена за то, чтобы Вэнс не открыл границу кочевникам, — хмыкнул Алекс, откидываясь в кресле. — Торт... Торт — это заноза. Я отправлю его послом в Змеиные острова. Пусть год пьет тухлую воду и ест жареных ящериц. Это остудит его пыл. Что с Лили?

— Спит, — ответил Дрейк. — Элеонора дала ей настой пустырника. Принцесса сопротивлялась, но уснула. Ее свет стабилен.

— Хорошо, — Алекс потянулся к серебряному колокольчику, но передумал. Вместо этого он выдвинул верхний ящик стола.

Звук, с которым тяжелая дубовая крышка отошла в сторону, был непривычно глухим. Император достал не свиток и не печать. Он достал маленький ключ из черного железа и вставил его в едва заметную скважину под столешницей.

Раздался щелчок, и дальняя стена кабинета, та, что была сплошь заставлена книжными шкафами, тихо ушла в сторону, открывая узкий проход. Пахнуло пылью, старым пергаментом и озоном — запахом сильной магии.

— Иди за мной, — бросил Алекс, поднимаясь.

Дрейк последовал за императором. Коридор оказался винтовой лестницей, уходящей глубоко под фундамент дворца. Здесь не было факелов — свет давали сами стены, пропитанные люминесцентным мхом, который рос только в катакомбах старой столицы. Воздух становился все холоднее.

Они спустились на три яруса ниже тронного зала. Здесь заканчивалась имперская роскошь и начиналась голая функциональность. Стены из тесаного камня, низкий потолок, с которого капала ледяная вода. Алекс шел уверенно, его шаги гулко разносились в тишине. Дрейк ступал бесшумно, его магия тени здесь, в подземелье, чувствовала себя вольготно — тьма была абсолютной хозяйкой этих мест.

Лестница закончилась тяжелой железной дверью без ручки. Император приложил ладонь к замку. Камень под его пальцами на мгновение вспыхнул багровым светом, и дверь беззвучно отворилась.

Комната за ней была круглой. В центре стоял единственный предмет мебели — массивный дубовый стол. На нем была развернута карта, но не их империи. Это была карта всего континента.

У стола стоял человек.

Дрейк рефлекторно напрягся, хотя его магическое зрение тут же дало ответ. Человек не дышал. Его кожа имела восковой оттенок, а в уголках глаз залегли глубокие тени, которые не могли появиться от простого недосыпа. Это был лич — высшая нежить, поднятая и удерживаемая в состоянии подобия жизни сложнейшими некромантскими чарами.

Но на его груди, поверх темного камзола, висел тяжелый медальон с гербом Империи — двуглавым орлом, держащим в лапах солнце и луну.

— Знакомся, — сказал Алекс, проходя к столу. — Это Магистр Ордена Хранителей, Валериус. Да, он мертв уже сорок лет. Да, он слышит тебя. И нет, он не кусается. По крайней мере, пока я плачу за содержание его филиakterии.

Губы мертвеца дрогнули в подобии улыбки. Голос, который он издал, звучал как скрежет камней. — Ваше Величество преувеличивает. Я не кусаюсь, потому что это неэстетично. А вот отчетность по южным провинциям кусает меня ежедневно. Доброй ночи, Тень. Если вы бросите в меня кинжал, я буду вынужден попросить казначея вычесть его стоимость из вашего жалования.

Дрейк не шелохнулся. Он склонил голову в легком поклоне, признавая статус собеседника. Магистр Хранителей, даже мертвый, стоял выше него в иерархии. Орден занимался тем, о чем не принято говорить вслух: устранением магических угроз, защитой от прорывов из-за Грани и... связями с другими государствами через каналы, которые не проходят через министерства.

— Время не ждет, — Алекс уперся руками в стол, нависая над картой. — Мы закончили с нашими внутренними блохами, Дрейк. Пора смотреть на волков за забором.

Он ткнул пальцем в восточную часть карты. Там, за Великим Хребтом, раскинулись земли Империи Солнцехейм.

— Последние три месяца их торговые караваны стали заходить слишком далеко на север, — продолжил Алекс. — Их дипломаты стали слишком часто улыбаться нашим послам. А месяц назад мой человек в их столице, Золотом Городе, прислал вестника.

Алекс достал из рукава крошечный стеклянный флакон. Внутри него билась светящаяся бабочка. Он разбил стекло о край стола. Бабочка вспыхнула, превратившись в сгусток света, который сложился в объемную иллюзию.

Дрейк увидел кабинет, заваленный бумагами. За столом сидел человек с выжженным на груди клеймом — знаком имперской разведки. Он говорил быстро, глядя прямо в глаза императору через пространство: *«Ваше Величество. Они начали строить. Не крепости. Маяки. Огромные обсидиановые башни вдоль всей границы Хребта. Двадцать штук. Я видел чертежи. Это не оборонительные сооружения. Это фокусирующие линзы. Солнцехейм собирает магию солнца. Всю. От рассвета до заката. Если они активизируют эту сеть, они смогут сжечь половину нашего континента, направив луч через вершины гор. Или... они смогут высушить наше море за неделю. Император Деймос сошел с ума. Он объявил себя воплощением Света и готовится к "Великому Очищению". Конец связи».*

Иллюзия развеялась.

В комнате повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь звуком капающей воды.

— Открытая война, — нарушил молчание лич-Магистр. Его пустые глазницы смотрели на карту. — Мы не готовы. Южные границы неспокойны благодаря вашим... методам, Император. Север дрожит. Если мы двинем легионы на восток, Гарет и его свора ударят нам в спину. Солнцехейм сомнет нас, пока мы будем резать друг друга.

— Я не собираюсь объявлять войну, — холодно ответил Алекс. — Я собираюсь ее предотвратить.

Он перевел взгляд на Дрейка. Глаза императора были темны и непроницаемы. — Дрейк. Ты — мой самый острый нож. Но до сих пор ты резал только внутри дома. Пора выйти на улицу.

— Солнцехейм — закрытая страна, — произнес Дрейк. — Их граница охраняется не только легионами. У них культ Солнца. Любой маг тени, пересекший их границу, вспыхивает, как факел, стоит ему выйти на свет. А их жрецы видят ложь лучше, чем я вижу страх.

— Я знаю, — кивнул Алекс. — Поэтому ты не пойдешь как маг тени. Ты вообще не пойдешь как Дрейк.

Император подошел к стене, где на специальных подставках висело оружие. Он снял оттуда длинный сверток из черного бархата. — Твоя магия — это твоя уязвимость там. Она фонит. Она искажает свет. Поэтому ты оставишь ее здесь. Вместе с именем.

Алекс развернул ткань. Внутри оказался набор одежды из простой, но дорогой шерсти темно-серого цвета. Никаких гербов. Никаких знаков различия. — Ты станешь торговцем. Мелким купцом из северных провинций. Твое имя — Эрик. Ты везешь в Солнцехейм редкий товар — меха полярной лисицы и бочки с нашей лучшей медовухой. Товар подлинный. Корабль уже готовится в порту.

Дрейк смотрел на одежду. Для человека, чья суть была сплетена из тьмы, идея выдать себя за обычного смертного, торгующего пушниной, казалась абсурдной. Это было все равно что заставить огонь притвориться льдом.

— Цель? — спросил Дрейк. Его голос оставался ровным, но внутри впервые за долгое время шевельнулось нечто похожее на... неуверенность.

— Император Деймос, — ответил Алекс. — Но не так, как ты привык. Я не прошу тебя всадить ему иглу в шею на балу. Это спровоцирует войну мгновенно. Нам нужна... дисфункция.

Лич Валериус кашлянул. Звук был похож на треск сухого дерева. — Прошу прощения, Ваше Величество. «Дисфункция» — это мой профиль. Уточните вектор.

Алекс проигнорировал мертвеца, продолжая смотреть на Дрейка. — Деймос опирается на двух людей. На своего Верховного Жреца, фанатика по имени Люциан, который толкает его к войне. И на своего личного лекаря, магистра алхимии по имени Иона. Иона — прагматик. Он понимает, что сжигание континента плохо скажется на урожаях и налогах.

Император взял со стола маленький хрустальный флакон, наполненный жидкостью цвета темного янтаря. — Твоя задача — войти в доверие к Ионе. Стать для него полезным. Привезти ему редкий реагент из наших северных лабораторий. Что во флаконе, Валериус?

— Эссенция «Ледяного сердца», — проскрипел лич. — Вытяжка из цветка, растущего только в трещинах вечной мерзлоты. Замедляет сердцебиение до одного удара в минуту. Внешние признаки — легкая бледность. Для обычного человека смертельно. Для магистра алхимии уровня Ионы — идеальный инструмент для симуляции хронической усталости или... внезапного «старения» организма. Безвкусна. Не определяется стандартными ядами.

Дрейк взял флакон. Стекло было ледяным на ощупь. — Вы хотите, чтобы я медленно убил лекаря императора? — уточнил он.

— Я хочу, чтобы ты дал ему возможность спасти своего императора, — жестко ответил Алекс. — Деймос болен. Это не секрет. У него слабое сердце. Иона держит его на стимуляторах. Если Иона решит, что сердце Деймоса не выдерживает нагрузки, он изменит состав зелий. Он сделает императора... более осторожным. Более склонным к дипломатии. Люциан потеряет влияние, если Деймос начнет бояться за свою жизнь.

— Это тонкая игра, — подал голос Валериус. — Если Иона поймет, что его использовали, он сварит из нашего торговца суп. Алхимики Солнцехейма — лучшие в мире.

— Поэтому торговец должен быть полезен, — Алекс снова посмотрел на Дрейка. — Ты не просто привезешь мех и мед. Ты привезешь информацию. Ложную информацию.

Император взял со стола другую карту — подробную схему западных границ их собственной империи. — Мы «случайно» допустим утечку. Гарет и его заговорщики на следующей неделе собираются подписать пакт с вождями кочевников. Официально. Мы «позволим» агентам Солнцеheyма узнать об этом. Ты, как купец, «подслушаешь» это в портовой таверне и, за щедрую плату, донесешь Ионе.

Алекс выпрямился, его тень на стене казалась огромной. — Иона увидит картину: безумный император Алекс бросает все силы на запад, развязывая гражданскую войну, пока на востоке Солнцеheyм готовится к удару. Иона поймет, что Деймосу выгоднее подождать. Выгоднее предложить Алексу союз против кочевников, чтобы разделить наши земли, пока мы слабы. Это даст нам время. Время, чтобы задушить Гарета. Время, чтобы достроить наши собственные магические щиты на востоке. А ты в это время будешь рядом с Ионой. И когда придет время нажать на сердце Деймоса, у тебя будет доступ.

Дрейк молчал. Он смотрел на карту Солнцеheyма. Золотой Город, столица врага. Место, где тени сгорают в полдень.

— Почему я? — спросил он. — У вас есть шпионы. У вас есть дипломаты. У вас есть Валериус.

— Потому что ты — пустота, Дрейк, — ответил Алекс. — Ты не алхимик, не маг и не политик. В тебе нет амбиций. Ты не предашь меня ради золота или власти, потому что тебе некуда их тратить. Ты — инструмент. Идеально сбалансированный, лишенный эмоций инструмент. А Иона ищет именно инструменты. Людей, которые решают проблемы. Ты станешь его идеальным скальпелем.

— А если меня раскроют? — спросил Дрейк.

— Тебя не должны раскрыть, — отрезал Алекс. — Если тень подозрения падет на империю, мы погибли. Если в Золотом Городе найдут труп торговца мехами с выжженным на затылке символом тени... это будет плохо. Но если торговец просто исчезнет в порту, спившись или попав под колеса телеги — это будет статистикой.

Император подошел вплотную. Теперь их лица были в футе друг от друга. — Это не прогулка по коридорам дворца, Дрейк. Это не бал. Там нет стен, в которых можно спрятаться. Там солнце встает по-настоящему, и оно ненавидит таких, как ты. Ты будешь один. Никаких вестников. Никаких связей. Ты уйдешь через три дня. Вернешься, только когда Деймос подпишет мирный договор, ограничивающий строительство маяков. Или не вернешься вовсе.

Дрейк посмотрел в глаза императору. Он видел там то, что видел всегда — холодный расчет правителя, жертвующего пешкой. Разница была лишь в том, что Дрейк всегда знал, что он — пешка. Но впервые император отправлял его на доску, где правила писали враги.

— Мой корабль, — сказал Дрейк. — «Северная звезда». Отходит через три дня. Капитан — старый контрабандист, он знает, что везет «особый груз», но не задает вопросов. Твои документы уже готовятся. Эрик, сын лесоруба из Выселок.

— Мое снаряжение? — Обычное. Ножи, отмычки. Никакой зачарованной стали — их таможенники чувствуют магию. Твоя тень останется здесь. В сундуке под моей кроватью. Если ты не вернешься через год, я найду ей нового носителя.

Дрейк кивнул. Это был не лучший из контрактов. Это был единственный. — Я могу идти собирать вещи?

— Иди, — кивнул Алекс. — И, Дрейк...

Дрейк замер у двери. — Постарайся не умереть в первую неделю. Обучение нового ассасина такого уровня обходится казне слишком дорого. И еще... — голос императора чуть смягчился. — Лили знает, что ты уходишь. Она не спрашивала, куда. Она просто... попросила привезти ей оттуда какую-нибудь безделушку. Что-нибудь блестящее.

— В Солнцехейме все блестит, — ответил Дрейк. — От золота до клинков палачей. Я выберу лучший.

Он развернулся и вышел, оставив императора наедине с мертвым магистром и картой грядущего пожара.

Портовый квартал встретил его запахом гниющих водорослей, дегтя и дешевого рома. «Северная звезда» оказалась старой, потрепанной штормами караккой. Она выглядела достаточно жалко, чтобы не привлекать внимания береговой охраны, и достаточно крепкой, чтобы пересечь Серое море.

Дрейк стоял на пирсе, глядя на свое отражение в грязной воде. На нем была простая куртка из воловьей кожи, штаны, заляпанные смолой, и тяжелые сапоги. В заплечном мешке лежали аккуратно сложенные «купеческие» документы на имя Эрика, мешочек с золотом для взяток и хрустальный флакон с эссенцией, который холодил грудь сквозь ткань рубахи.

Он не чувствовал страха. Страх — это эмоция, а эмоции делают клинок хрупким. Он чувствовал лишь изменение давления. Словно перед бурей.

Его прежняя жизнь — дворец, тени, шепот, Лилиана, которую нужно защищать от взглядов, — осталась на берегу. Впереди была только работа. Работа под открытым небом, под ненавидящим его солнцем, в самом сердце империи, где каждый жрец мог сжечь его одним взглядом.

— Эй, ты! — раздался сверху хриплый голос. — Если решил топиться, то отойди от моего швартова. Или поднимайся на борт, пока крабы не откусили тебе ноги. Капитан не любит ждать.

На борту, облокотившись на фальшборт, стоял человек, больше похожий на медведя, вставшего на задние лапы. Густая рыжая борода, лицо, выдубленное ветрами и солью, и маленькие, острые глазки. Капитан Борин.

Дрейк забросил мешок на палубу и ухватился за веревочный трап. Дерево скрипнуло под его весом.

— Эрик, — представился он, ступая на залитую дегтем палубу. — Борин, — кивнул капитан, сплевывая за борт табачную жижу. — Говорят, ты везешь медовуху, от которой у жрецов Солнцехейма срывает колпаки. Если это правда, ты мне уже нравишься. Если это ложь — я скормлю тебя рыбам, когда надоест твоя унылая рожа. Поднимай сходни, бездельники! Отдать носовой!

Палуба начала медленно уходить из-под ног. Порт столицы начал отдаляться. Башни дворца, шпили храмов, крыши домов — все это медленно тонуло в утренней дымке.

Дрейк вцепился пальцами в холодный леер. Он смотрел на исчезающий берег, пока очертания империи не превратились в тонкую черную линию на горизонте.

Он был один.

Впервые за десять лет службы у Алекса, Дрейк был по-настоящему один. У него не было теней, которые могли бы скрыть его провал. У него не было императора, чей приказ защищал бы его от стражи. У него была только легенда о торговце мехами и яд в кармане, который должен был решить судьбу континента.

— Эй, Эрик! — снова окликнул его Борин. — Хватит пялиться на воду, она не станет суше! Иди сюда. Расскажешь мне, как правильно кланяться этим золотозадым ублюдкам из Солнцехейма, чтобы они не посадили нас на кол прямо в порту. У меня на этой посудине ценная команда, я не хочу терять людей из-за твоего плохого акцента.

Дрейк отпустил леер. Он подошел к капитану.

— У меня нет акцента, — сказал он. — Я — пустое место. И я везу лучший мед в мире. Остальное — твоя забота, капитан. Довези меня до Золотого Города. Остальное я сделаю сам.

Борин хмыкнул, разглядывая его с ног до головы. — Пустое место, значит? — капитан прищурился. — Что ж, посмотрим, как пустое место будет торговаться с таможей Солнцехейма. Они любят пустоту. Особенно в кошельках.

Дрейк позволил себе едва заметную тень улыбки. — Они любят золото, капитан. А золото тяжелее света.

Над морем поднимался ветер, наполняя паруса «Северной звезды». Корабль, скрипя старыми шпангоутами, взял курс на восток, навстречу восходящему солнцу, которое должно было стать его главным врагом.

Глава 4. Допрос в темнице

Запах изменился.

Соленая свежесть Серого моря, которой Дрейк дышал последние две недели, осталась на палубе «Северной звезды». Здесь, глубоко под фундаментом Западного форпоста империи, воздух состоял из других ингредиентов: вековой сырости, ржавого железа, застарелой мочи и того специфического, сладковато-металлического аромата, который источает человеческий страх.

Дрейк спустился по винтовой лестнице, высеченной прямо в скале. Ступени были скользкими от слизи, и даже его чутье, привыкшее к неровностям теней, с трудом находило опору. Свет сюда не проникал вовсе. Для обычного человека это была абсолютная, осязаемая тьма, вызывающая приступы клаустрофобии. Для Дрейка это была родная стихия.

Он не зажигал факела. Он сам был источником мрака. Тени липли к его сапогам, вытягиваясь вслед за ним, словно преданные псы. Температура падала с каждым шагом. Когда лестница закончилась, перед ним открылся коридор темницы.

Тюрьма Западного форпоста не предназначалась для перевоспитания. Это была мясорубка для информации. Камеры здесь были не комнатами, а каменными мешками — вырубленными в скале нишами, высотой в полтора метра. В них нельзя было встать, в них нельзя было лечь в полный рост. Узники проводили недели в позе эмбриона, с онемевшими ногами и руками, покрытыми язвами от постоянной сырости.

Навстречу Дрейку из караулки поднялся сержант — огромный детина с лицом, похожим на плохо пропеченный хлеб. В руке он держал масляную лампу, от света которой по стенам метались уродливые тени. — Господин инквизитор, — сержант неуклюже поклонился. Его почтение было искренним; люди вроде Дрейка вызывали у стражи больший ужас, чем самые жестокие палачи, потому что палач просто ломал кости, а человек из Серых Палат ломал саму душу. — Тот, из Древинвуда, в четвертой камере. Орет уже вторые сутки. Требуется священника и бумагу.

— Священник ему не поможет, — ровным голосом ответил Дрейк. — А бумага у него скоро появится. Протокол допроса. Пиши: «Скончался от сердечного приступа, вызванного раскаянием».

Сержант побледнел и судорожно кивнул. Он знал, что это означает. Тело шпиона сбросят в общую могилу за стеной форпоста, и никто в столице никогда не узнает, что он вообще существовал.

— Вода и хлеб ему давали? — спросил Дрейк. — Как приказано. Раз в два дня. По кружке. Он не притрагивался. — Хорошо. Оставь лампу у входа и жди снаружи. Если услышишь крик — это я уронил ключи. Если услышишь тишину — жди, пока я не позову.

Дрейк шагнул в коридор. Тяжелая дубовая дверь за его спиной закрылась, отрезая последние отблески внешнего мира. Остался только звук капающей воды, редкое звяканье цепей и тяжелое, прерывистое дыхание из четвертой камеры.

Дрейк подошел к нише. Решетка была массивной, из зачарованного железа, которое тускло светилось синим в магическом спектре — защита от телепортации и колдовства.

Пленник сидел в углу своей каменной норы. Это был эльф. Или, как их презрительно называли в империи, остроухий из Древинвуда. Его серебристые волосы слиплись от грязи и пота, превращаясь в грязную паклю. Кожа, обычно бледная у его народа, приобрела землистый, трупный оттенок. Но глаза... Глаза горели яростным, неугасимым огнем первобытного леса. Он был прикован за руки и за ноги к кольцам в стене, но даже в этих путах сохранял остатки достоинства.

Эльф услышал шаги. Он не вздрогнул. Он медленно поднял голову. Его губы, потрескавшиеся от жажды, исказила усмешка. — Черная Плащаница, — прошептал он на чистом имперском, но с шипящим акцентом. — Я слышал о тебе. Тень, которая убивает взглядом. Пришел забрать мою душу, имперский пес?

Дрейк молча смотрел на него. Он не стал доставать ключи. Он просто положил ладонь на зачарованную решетку. Металл под его пальцами зашипел, словно на него плеснули кислотой. Синий свет защитных рун потускнел, съежился и погас, побежденный абсолютной пустотой магии тени.

Решетка не открылась. Она просто перестала существовать. Тьма поглотила железо, обратив его в ничто на пути Дрейка.

Эльф напрягся, пытаясь вжаться в камень. Впервые за двое суток в его ауре, которую Дрейк видел так же ясно, как предметы в лунную ночь, паника победила гордость. Древинвудцы считали себя детьми леса, они владели магией природы, умели говорить с деревьями и исцелять раны. Но магия леса требовала света и жизни. А здесь, в каменном мешке, была только смерть. И пришелец, состоящий из этой смерти.

Дрейк шагнул внутрь. Каменная ниша была слишком мала для двоих. Он навис над эльфом, перекрывая собой ту жалкую щель, через которую в камеру проникал воздух. — Меня зовут не Тень, — голос Дрейка прозвучал глухо, лишенный эха в тесном пространстве. — Меня зовут Дрейк. И я здесь не за твоей душой. Души — это епархия жрецов. Я здесь за твоими воспоминаниями.

— Ты ничего не получишь! — прохрипел эльф, пытаясь плюнуть. Во рту было слишком сухо, изо рта вырвался лишь жалкий хрип. — Дерево не выдаст тайн. Я пил сок Шепчущего Дуба. Ваши пытки — ничто.

Дрейк опустил на корточки. Положение их тел теперь было почти симметричным — оба на коленях, лицом к лицу. — Сок Шепчущего Дуба, — повторил Дрейк. — Он блокирует боль. Делает нервные окончания невосприимчивыми к огню и лезвию. Но он не защищает разум от вторжения. Он лишь делает его... более податливым. Мягким. Как глина после дождя.

Дрейк поднял руку. Он не сжал ее в кулак. Он просто направил ладонь на лицо эльфа, не касаясь кожи. Расстояние между ними было в дюйм. — Я не буду спрашивать, — сказал Дрейк. — Вопросы предполагают ответы. Ответы можно контролировать. Я просто возьму то, что мне нужно.

Он закрыл глаза.

Для стороннего наблюдателя ничего бы не изменилось, кроме того, что тени в камере стали вдруг густыми, осязаемыми, словно черный кисель. Но внутри Дрейка разверзлась бездна.

Он начал «вдох».

Магия тени не читает мысли. Слова — это ложь, сотканная на поверхности сознания. Дрейк нырял глубже. Он погружался в озеро чужой памяти, в те слои, где хранятся образы, запахи и инстинкты.

Эльф закричал. Это был не крик боли. Это был крик существа, у которого пытаются вырвать позвоночник через глазницы. Он забился в цепях, лязгая железом о камень, но его движения были вялыми. Сок Дуба все еще держал его тело в плену, не давая мышцам порваться от напряжения.

Дрейк игнорировал крик. Он был пиявкой, присосавшейся к вене.

Первое, что он ощутил — это запах. Резкий, хвойный, пьянящий запах Древинвуда. Дрейк увидел образ сквозь глаза эльфа: гигантские деревья, чьи кроны скрывали небо, и мох, светящийся призрачным зеленым светом.

Он позволил этому образу пройти. Это была лирика. Ему нуждались география.

Он погрузился глубже. Вчера. Позавчера. Память эльфа сопротивлялась. Шепчущий Дуб действительно сделал свое дело — он окутал воспоминания туманом, замедлил их. Но туман рассеивался перед абсолютной пустотой Дрейка.

Картина: Тесная землянка. Карта, расстеленная на пне. Десяток эльфов в одеждах из коры. Старейшина с лицом, похожим на кору тысячелетнего дуба, водит веткой по пергаменту. — Здесь, — голос старейшины в памяти эльфа был скрипучим. — Западный форпост людей. Они думают, что их камни защитят их. Но камни не видят того, что видит Лес. *Ветка указывает на серое пятно на карте — Змеиный перевал. Узкая тропа, считавшаяся непроходимой для армий.* — Мои дети проведут их, — говорит эльф, которого сейчас допрашивает Дрейк. — Мы знаем каждую щель в скале. Когда луна пойдет на убыль, мы откроем им путь. Они пройдут под носом у имперских псов.

Дрейк зафиксировал образ. Змеиный перевал. Он знал это место. Узкая расселина, заваленная валунами. Гвардейцы Алекса проверяли ее раз в месяц и не находили ничего, кроме козых троп.

Он потянул нить дальше. Ему нужны были цифры. Силы.

Картина: Ночь. Туман. Скалы. Из расщелины, как муравьи, лезут фигуры. Они не носят доспехов. Их кожа серая, сливающаяся с камнем. Древинвудские следопыты. За ними... Дрейк замер. Его ментальное присутствие в голове эльфа дрогнуло от удивления, но тут же снова стало ледяным. За эльфами из темноты пещер выходили другие. Они были выше людей, шире в плечах. Их кожа имела оттенок старого пепла, а глаза светились тусклым багровым светом, как угли в затухающем костре. Длинные, заплетенные в косы бороды были украшены костями. В руках они держали тяжелые секиры, от которых исходило видимое в магическом спектре красное свечение.

Огры. Клан Каменного Клыка.

Древинвуд никогда не водил дружбу с ограми. Лесной народ считал их грязными животными. Союз эльфов и огров — это все равно что союз кошки и медведя ради охоты на мышей. Это было невозможно. Но память эльфа кричала о реальности.

Голос старейшины: «Огры пробьют их стены. Эльфы пройдут в щели. Мы зажмем их форт в тиски. А когда форт падет, мы откроем главную тропу. Ту, что под рекой».

Дрейк вцепился в этот образ. «Тропа под рекой». Он нырнул в воспоминания эльфа, отматывая их назад, к моменту обучения.

Картина: Детство. Холодная вода. Подводная пещера. Эльф-ребенок плывет в полной темноте, ориентируясь по течению. Выход на поверхность в подвалах старых, давно заброшенных каменоломен на территории империи.

Дрейк вырвался из воспоминания. Он открыл глаза.

Тьма в камере начала сгущаться физически. С потолка сыпалась крошка. Температура упала еще на несколько градусов, и на камнях выступил иней. Эльф перестал кричать. Его глаза закатились, показав белки, а изо рта пошла пена, смешанная с кровью — следствие лопнувших от давления сосудов. Он был на грани смерти, его разум превращался в кашу под напором чужой воли.

— Достаточно, — выдохнул Дрейк.

Он убрал ладонь. Тени в камере неохотно втянулись обратно в углы, возвращая помещению его истинные, жалкие размеры.

Дрейк встал. Его слегка пошатывало. Погружение в чужой разум, особенно защищенный галлюциногенами, всегда имело цену. Он чувствовал во рту привкус плесени и застарелой крови — фантомные ощущения памяти эльфа.

Пленник обмяк в цепях. Его голова свесилась на грудь. Он был жив — Дрейк никогда не забирал больше, чем мог унести сосуд, если не получал приказа на полное уничтожение личности. Но сейчас эльф был пуст. Пустой глиняный горшок, из которого выпили всю воду.

Дрейк подошел к решетке. Магия тени вернулась мгновенно — одним движением пальца он заставил зачарованное железо снова проявиться из небытия. Руны вспыхнули синим, запечатывая камеру.

Он вышел в коридор. Сержант вскочил, хватаясь за алебарду. — Господин? Ключей не было слышно... — Он заговорил, — перебил его Дрейк. — Прикажи выдать ему ведро воды и двойную порцию хлеба. Пусть живет. Император любит сломанные игрушки.

Дрейк поднялся из темницы. Холод подземелья остался на его коже.

Западный форт стоял на краю Светолесья — огромного массива, который империя считала своей границей, а Древинвуд — своим домом. Кабинет коменданта форта был тесным и пропах дешевым табаком. Карта на столе была испещрена красными и синими пометками.

Комендант, полковник Гривс — человек с лицом, похожим на выдубленную кожу, — смотрел на Дрейка с плохо скрываемым страхом. Он командовал тремя тысячами солдат, но перед этим худым человеком в сером чувствовал себя ребенком.

— Огры, — произнес Гривс, когда Дрейк закончил доклад. — Клянусь кишками Андраста, огры. Мы не видели их кланов у границ лет пятьдесят. После того как ваш предшественник... эээ... убедил их Короля в нецелесообразности набегов.

— Король огров понимает только язык силы и золота, — сказал Дрейк. — Кто-то заплатил им. Или пообещал. — Клан Каменного Клыка... — Гривс потер щетинистый подбородок. — Это две тысячи бойцов. Если они ударят по форту в лоб, мои стены просто осыплются. А эти остроухие призраки вырежут часовых раньше, чем те успеют поднять тревогу.

— Они не ударят в лоб, — Дрейк подошел к карте. Его палец, бледный, как слоновая кость, уперся в извилистую синюю ленту. — Река Тихая. Здесь, под руслом, старая дренажная система гномов. Эльфы называют ее «Песнь Глубин». Они пройдут по ней. Вода сейчас низкая. Они выйдут прямо в казармах третьего батальона.

Гривс побледнел. — В казармах... Ночью. Это резня. Мы потеряем форт за час.

— Вы его не потеряете, — Дрейк поднял взгляд на полковника. — Потому что огры не придут. — Но вы же сказали... — Я сказал, что эльфы *думают*, что огры придут, — Дрейк позволил себе тень улыбки, от которой Гривса передернуло. — Союз с ограми — это слабое место Древинвуда. Они слишком горды, чтобы якшаться с мясниками. Но страх перед нашей экспансией заставил их пойти на это.

Дрейк достал из поясной сумки свиток, который не разворачивал при коменданте. — Я спустился в темницу не только за картой. Я смотрел глубже. В мотивы. Старейшины эльфов боятся не нас. Они боятся того, что мы сделаем с их лесом. Но их король... или кто там у них принимает решения... совершил ошибку. Он нанял огров через посредников. Посредников из Золотого Города.

— Солнцехейм? — Глаза Гривса расширились. — Но зачем им сражаться с эльфами? — Им не нужен мир на наших границах, — Дрейк свернул карту. — Им нужно, чтобы мы смотрели на запад, пока они готовят свой удар на востоке. Солнцехейм платит золотом, которое эльфы используют, чтобы нанять огров. Идеальная провокация.

— И что прикажете делать мне? — спросил Гривс. — У меня нет магии, чтобы закрыть подводные пещеры. И у меня нет армии, чтобы гоняться за двумя тысячами огров в горах.

— Вам не нужна армия, — Дрейк подошел к окну форта. Отсюда открывался вид на бескрайнее Светолесье. Деревья стояли темной, неподвижной стеной. — Вам нужен слух.

Он повернулся к полковнику. — Сегодня на закате вы соберете своих офицеров. Вы напьетесь. Вы будете кричать так, чтобы слышали вольные торговцы в таверне за стеной. Вы будете орать, что казна задолжала вам жалование за три месяца. И что вы получили письмо от... скажем, от лорда Гарета. О том, что император Алекс сошел с ума, собирает все золото

империи и отправляет его в Солнцехейм в качестве дани, чтобы те не сожгли столицу своими магическими башнями.

Гривс слушал, наклонив голову, его лицо каменело. — Вы объявите, что завтра утром уводите гарнизон, — продолжал Дрейк. — Оставляете форт. Что вы забираете весь порох и уходите грабить северные деревни, потому что империя рухнула.

— Это же бунт, — прошептал Гривс. — Меня вздернут. — Если вас вздернут за исполнение тайного приказа императора, я лично прослежу, чтобы ваша семья получила двойную пенсию, — голос Дрейка стал ледяным. — А если выслушаетесь и позволите эльфам перерезать ваших людей в постелях, я спущусь в эту темницу снова. Но на этот раз я спущусь за вами. И вы будете мечтать о пеньковой веревке.

Полковник сглотнул. Он смотрел на Дрейка и видел не человека. Он видел неизбежность. — Понял, — кивнул Гривс. — Бунт. Порох. Уход на север. А эльфы?

— А эльфы, — Дрейк снова посмотрел на темную стену леса, — увидят, что форт пуст. Они увидят открытые ворота, брошенные пушки и пьяного идиота-командира, который сбежал. Они решат, что их план с ограми раскрыт, и что имперцы готовят ловушку. Древинвуд осторожен. Они не полезут в пустой форт, если заподозрят западню. Они затаятся.

— А огры? — спросил Гривс. — Огры не получают вторую часть оплаты, — Дрейк накиннул капюшон. — Без золота клан Каменного Клыка не пойдет на штурм. Они поворчат, заберут те авансы, что уже выплачены, и уйдут грызть свои камни. Провокация провалится. Солнцехейм не получит своей войны на западе.

— А что делать с гарнизоном? — Гривс кивнул в сторону плаца, где тренировались солдаты. — Три тысячи человек. Они не слепые.

— Вы оставите в форте одну роту, — ответил Дрейк. — Самую надежную. Под вашим личным командованием. Вы инсценируете драку. Вы «запрете» остальных в казармах. А на самом деле...

Дрейк подошел к столу и развернул свою карту. Ту самую, с подводными тропами. — На самом деле вы спустите третий батальон в дренажную систему. С той стороны. Под рекой. Они пройдут по «Песне Глубин» и выйдут в тылу у эльфийского лагеря, который те разобьют, ожидая возвращения огров.

Гривс посмотрел на карту, потом на Дрейка. На губах старого солдата появилась волчья ухмылка. — Мы ударим им в спину, пока они ждут нас в лоб. — Вы ударите их так, — Дрейк ткнул пальцем в карту, — чтобы из десяти тысяч эльфов, которые готовятся к вторжению, не ушел ни один. Вы зажжете сигнальный костер на вершине Старого Клыка. Когда я увижу дым, я дам сигнал моему человеку в столице. Император объявит «Великую Охоту». Светолесье перестанет быть границей. Оно станет имперской провинцией.

— Мы вырежем их под корень, — прошептал Гривс. В его голосе не было жалости. Только азарт мясника. — Вы сделаете то, что необходимо, — поправил его Дрейк. — Жалость — это ржавчина на мече империи. Вы начнете сегодня на закате.

Дрейк направился к двери. — Инквизитор? — окликнул его Гривс. — А если кто-то из торговцев в таверне действительно пошлет восточку эльфам? О нашем «бунте»?

Дрейк остановился, держась за дверную ручку. Он не обернулся. — В таверне «Пьяный гусь» за стойкой сидит мой человек. Он подольет в эль тому, кто слишком внимательно слушает, экстракт корня мандрагоры. Тот, кто выпьет, ослепнет на сутки и будет бредить о золотых драконах. К тому моменту, как он протрезвеет, третий батальон уже выйдет из-под реки.

Дверь закрылась.

Дрейк вышел на плац. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в тревожный багровый цвет. Солдаты Гривса рубили тренировочные чучела, не подозревая, что их вечерняя попойка станет началом резни, которая изменит карту мира.

Дрейк нашел тень от главной башни форта. Она была длинной, густой и прохладной. Он шагнул в нее.

Мрак принял его. На мгновение фигура инквизитора потеряла плотность, став размытым силуэтом. Дрейк не собирался идти пешком до столицы. У него был другой путь.

Тень от башни соединялась с тенью от стены. Та — с тенью от дерева за пределами форта. Тень от облака, плывущего над лесом, накрывала сотни миль.

Для обычного человека это были просто пятна на земле. Для Дрейка это была дорога.

Он позволил своей сути раствориться. Он перестал быть человеком в сером плаще. Он стал отсутствием света.

Тень от дерева за воротами форта дрогнула, стала глубже, словно проглотив что-то, и снова выровнялась.

Дрейк открыл глаза.

Он стоял на крыше Императорского дворца. В столице уже сгущались сумерки. Внизу, в окне кабинета, он видел силуэт императора. Алекс стоял у карты, и его плечи были напряжены. Он ждал вестей.

Дрейк подошел к люку, ведущему на чердак, а оттуда — в личные покои. Он был покрыт дорожной пылью Светолесья, хотя перемещался сквозь тени. Магия тени имела свои побочные эффекты — она вытягивала из тела влагу и тепло.

Он вошел в кабинет без стука. Алекс обернулся. В его руке был зажат хрустальный флакон с янтарной жидкостью — яд для похода в Солнцекейм. — Гривс? — спросил император. — Начнет через час, — Дрейк подошел к столу и положил на него карту эльфийских троп. — Третий батальон уже под рекой. Эльфы потеряют авангард. Светолесье будет нашим к утру.

Алекс посмотрел на карту, затем на изможденное лицо Дрейка. — Ты выглядишь как труп, — констатировал император. — Солнцекейм? — Ждет вестей с запада, — Дрейк налил себе воды из кувшина. Его руки дрожали от истощения. — Они не дождутся. Запад закрыт.

— Хорошо, — кивнул Алекс. Он подошел к Дрейку и забрал у него пустую кружку. — Ты сделал западную стену твердой. Теперь иди в свои покои. Спи. Тебе предстоит самое сложное.

— Золотой Город, — произнес Дрейк, вытирая губы. — Золотой Город, — подтвердил Алекс. — Там тени не спасают. Там тебе придется быть просто человеком. Торговцем мехами, который очень хочет жить. Не подведи меня, Дрейк. Если ты исчезнешь там, на востоке, мне придется искать нового клинка. А заточка нового оружия всегда требует... демонстрации.

Император красноречиво посмотрел на карту Светолесья, где теперь, несомненно, лилась кровь.

Дрейк поклонился и вышел. Он шел по коридорам дворца, и придворные шарахались от него, чувствуя запах смерти и леса, въевшийся в его одежду. Но Дрейк их не замечал.

Он думал об эльфе в темнице. О пустоте в его глазах. Быть тенью императора означало не только убивать. Это означало становиться тьмой, в которой прячутся самые страшные решения.

Впереди лежал путь в Солнцекейм. Путь под палящим солнцем. И Дрейк знал, что для того, чтобы выжить там, ему придется на время забыть, кто он такой. Ему придется притвориться живым.

Глава 5. Бал масок

Золотые залы Императорского дворца никогда не казались Дрейку своим домом. Мрамор, отражающий свет тысяч свечей, хрусталь люстр, рассыпающий радужные блики, и сотни открытых лиц — все это было враждебной средой для того, кто привык быть отсутствием света. Здесь, на Балу Цветущей Луны, посвященном семнадцатилетию принцессы Лилианы, тьма была врагом. Ее полагалось изгонять смехом, вином и шелестом шелка.

Дрейк стоял в глубокой нише за портьерой из тяжелого бордового бархата. Для всех присутствующих его здесь не было. Он был частью тени, отбрасываемой массивной колонной. На нем не было ни доспехов, ни серого камзола инквизитора. Император настоял на полном слиянии с окружением.

На Дрейке был фрак из черного шелка, сшитый лучшими портными столицы. Ткань облегла его поджарую фигуру, подчеркивая ширину плеч и узость талии. Никакого оружия. Никакой магии. Только безупречный узел шейного платка и тяжелый золотой перстень с гербом баронов де Кроули — старая побрякушка, которую Алекс приказал надеть для придания «аристократической небрежности».

Дрейк ненавидел этот перстень. Он весил слишком много и постоянно напоминал о себе холодом металла.

— Ты похож на ворона, который проглотил аршин и теперь не знает, как дышать, — раздался тихий голос из соседней ниши.

Из-за соседней колонны выступила принцесса Лилиана. На ней было платье из серебряной парчи, расшитое крошечными речными жемчугами, имитирующими чешую. Вырез был достаточно скромным, чтобы не вызвать скандал, но достаточно глубоким, чтобы заставить половину молодых лордов споткнуться на полуслове.

— Ваше высочество нарушает протокол, — ровно ответил Дрейк, не меняя позы. — Вам положено принимать комплименты в центре зала, а не прятаться в пыли с палачом.

— В пыли? — Лилиана фыркнула, отряхивая несуществующую пылинку с рукава. — Эта «пыль» стоит больше, чем годовой налог с провинции Гарета. И я не прячусь. Я провожу рекогносцировку. Видишь того рыжего у фонтана? Маркиз Торн. Он смотрит на меня так, будто хочет не пригласить на танец, а препарировать.

Дрейк перевел взгляд. Торн стоял у мраморного фонтана, сжимая бокал с вином так, что стекло могло треснуть. Его лицо было красным. — Он пьян, — констатировал Дрейк. — И унижен. Вы облили его лучшим вином империи. Это оскорбление, которое смывается только кровью или брачным контрактом. Он выбирает кровь.

— Пусть попробует, — в глазах Лилианы мелькнул опасный огонек, так похожий на взгляд ее отца. — Элеонора сказала, что если я буду вести себя как фарфоровая кукла, меня выдадут за этого идиота с Восточных островов, который разговаривает только о крабах. Я лучше выйду за огров из твоего отчета.

— Огры плохо пахнут, ваше высочество. И у них блохи, — Дрейк позволил себе минимальную тень улыбки. — Возвращайтесь в зал. Герцог Орвин ждет вашего следующего танца. Его сын — хорошая партия. Спокойная.

— Спокойная — это скучная, — Лилиана закатила глаза. — Ты ничего не понимаешь в мужчинах, Дрейк. Ты же сам как ледяная статуя.

Она сделала шаг к нему, выходя из тени портьеры на свет. Сотни свечей вспыхнули, отражаясь в жемчугах ее платья. — Потанцуй со мной, — вдруг попросила она. — Один танец. Чтобы все эти чужаки подавились своими сплетнями.

Дрейк замер. Танец. Император не давал таких указаний. Его роль — быть тенью, стеной, воздухом. Танец требовал контакта. Контакт требовал эмоций. А эмоции делали его уязвимым. — Это невозможно, — ответил он.

— Почему? Боишься отдавить мне ногу? — Лилиана прищурилась. — Или боишься, что если ты возьмешь меня за руку, твое сердце не выдержит и растает?

Она протянула ему руку. Дрейк смотрел на ее тонкие пальцы, на бледную кожу запястья, где под кожей билась синяя жилка. В этот момент оркестр заиграл «Лунную сонату» — танец сложный, медленный, требующий идеальной близости партнеров.

Дрейк посмотрел поверх ее головы. Он увидел Алекса. Император стоял на балконе для почетных гостей, беседуя с послом Солнцехейма. Солнечный маг, разодетый в белое золото, что-то говорил с ядовитой улыбкой. Алекс едва заметно кивнул Дрейку. Это не был приказ. Это было... разрешение. Проверка.

Дрейк сделал шаг вперед. Он взял руку принцессы. Его пальцы, привыкшие к рукояти кинжала, оказались на удивление осторожными. — Если я наступлю вам на ногу, я отрежу себе свою, — тихо предупредил он.

— Договорились, — прошептала Лилиана.

Он вывел ее в центр зала.

Для Дрейка мир сузился до пространства в несколько шагов. Он положил руку на ее талию. Шелк платья был гладким и холодным. Он чувствовал тепло ее тела сквозь ткань. Близость была... оглушающей. Он привык чувствовать страх, ненависть, похоть — эмоции других людей были для него маяками. Но Лилиана ничего не боялась. От нее исходило ровное, упрямое сияние.

— Выдохни, — шепнула она, когда он начал вести ее слишком механически, как солдат на плацу. — Это танец, а не допрос.

Дрейк подчинился. Он позволил ритму музыки взять верх. Его движения, обычно резкие и экономные, стали плавными. Он вел ее уверенно, разворачивая в узких пространствах между другими парами так, что их юбки едва не соприкасались.

Весь зал смотрел на них. На мертвенно-бледного ассасина, чья репутация состояла из шепота и трупов, и на сияющую принцессу. Это было нарушением всех мыслимых приличий. Но это было прекрасно.

— Видишь? — выдохнула Лилиана, когда музыка позволила им сблизиться. — У тебя под кожей есть кости. И, кажется, даже сердце. Оно сейчас выпрыгнет. Ты покраснел.

— У меня нет привычки водить принцесс по залу, — процедил он. — Это не входит в мой контракт.

— Жаль, — она на мгновение прижалась к нему чуть теснее, обходя неуклюжую пару графини Софии. — Ты танцуешь лучше, чем убиваешь. А это, поверь, высшая похвала.

Музыка закончилась. Дрейк остановился. Он склонился в глубоком, безупречном поклоне, запечатлев поцелуй на тыльной стороне ее ладони. Кожа пахла лавандой и чем-то неуловимо диким, лесным. — Благодарю за танец, ваше высочество, — произнес он, выпрямляясь. — Мое сердце на месте. Но если мы продолжим, ваш отец прикажет мне проверить остроту топора палача на моей шее.

Лилиана рассмеялась, отпуская его руку. В ее глазах стояли слезы — то ли от смеха, то ли от злости на весь этот фарс. — Уходи в тень, Дрейк. Твое лицо тебя выдает. Ты выглядишь... почти живым.

Она упорхнула к герцогу Орвину, оставив после себя аромат лаванды и звенящую пустоту в груди Дрейка. Он отступил обратно за портьеру. Его руки слегка дрожали. Он сжал их в кулаки, гася тремор.

«Почти живым». Это было опасное состояние. В Золотом Городе «живые» люди совершают ошибки. Тени — никогда.

— Ты танцевал с принцессой.

Голос был низким, вибрирующим, как натянутая струна контрабаса. Дрейк не обернулся. Он знал, кто стоит за его левым плечом.

Белла. Первая красавица империи. Графиня де Вьен.

Она была одета в платье цвета застывшей крови. Глубокий вырез не оставлял простора для воображения, а корсет затягивали так туго, что Дрейк слышал, как с трудом вздымается ее грудь. Белла была оружием иного рода. Если Лилиана была открытым клинком, то Белла — ядом в золотой чаше.

— Это был приказ, — ответил Дрейк, глядя на свое отражение в начищенном щите гвардейца.

— Приказы императора обычно не включают в себя такие... страстные поддержки, — Белла обошла его, вставая напротив. Ее глаза, зеленые, как кошачьи, изучали его лицо. — Ты смотрел на нее так, будто она — единственный источник света в мире, а ты умираешь во тьме. Это было трогательно. И очень неосторожно.

— Трогательность не входит в мой арсенал, — Дрейк отпил глоток вина из бокала, стоявшего на столике. Кислый вкус винограда ударил по рецепторам. — Что тебе нужно, Белла? Твои игры с маркизом Торном меня не касаются.

Белла улыбнулась. У нее была улыбка змеи, заметившей птицу. — Торн — это вчерашний день. Он слишком громко сопит, когда целует руку. Я предпочитаю тишину.

Она сделала шаг ближе. От нее пахло жасмином и опасностью. — Я видела, как ты смотрел на балкон. На посла Солнцехейма. Ты знаешь, что он привез?

— Кроме своего невыносимого высокомерия? Ничего.

— Он привез приглашение, — прошептала Белла, наклоняясь к нему так близко, что ее губы почти коснулись его уха. — Император Алекс и принц Солнцехейма Элариэль встречаются через месяц на нейтральной территории. Острова Скорби. Говорят, они будут делить мир.

Дрейк замер. Вино в бокале перестало дрожать. Информация была критической. Алекс не упоминал об этом. Значит, это была игра внутри игры. Или Белла лгала.

— Ты читаешь слишком много дешевых романов, — ровно сказал Дрейк. — И носишь слишком тесный корсет. Он мешает крови поступать к мозгу.

— Не лги мне, Дрейк, — ее голос стал жестким. — Я знаю, что ты улетаешь на восток. «Северная звезда» уже загрузила товар. Меха, мед... и ложь. Ты едешь к Ионе. Но зачем? Если Алекс и Элариэль уже делят карту, зачем тебе травить лекаря? Чтобы что? Ускорить войну? Или предотвратить ее?

Она знала слишком много. Это не было случайным подслушиванием. Кто-то сливал ей информацию. Кто-то, кто сидел очень высоко. — Ты пьяна, Белла, — Дрейк поставил бокал. — Иди к Торну. Он как раз ищет, на ком бы сорвать злость после моего танца с принцессой. Уверен, он будет рад получить пощечину от такой красивой руки.

Он начал отворачиваться, но Белла схватила его за запястье. Ее хватка была железной. — Не уходи. Я предлагаю сделку.

— У меня нет ничего, что тебе нужно.

— У тебя есть доступ, — ее глаза блеснули в свете свечей. — Ты тень императора. Ты бываешь в Западном крыле. В архивах. Я знаю, что ты ищешь. Сведения о «Песне Глубин». О подземных реках. Мой род, де Вьен, владел землями на западе столетиями. У нас в фамильном замке есть карты, которых нет даже у Алекса.

Дрейк посмотрел на ее руку, лежащую на его запястье. Потом ей в глаза. — Зачем тебе карты подземных рек, Белла? Собираешься выращивать там тюльпаны?

— Я собираюсь выжить, — она отпустила его. — Когда Солнцехейм ударит, а эльфы полезут из-под земли, столица превратится в пепел. Те, кто останется на поверхности, сгорят.

У моего рода есть старые катакомбы. Они соединяются с системой «Песни Глубин». Я хочу знать выходы. Я хочу спасти свою семью. И я готова заплатить за это.

— Чем? — спросил Дрейк. — Жемчугами? Титулом?

— Информацией, — Белла снова улыбнулась, на этот раз хищно. — Я знаю, кто убил отца Торна. Я знаю, куда Гарет прячет золото. И я знаю, что леди София, которая сейчас умирает от скуки у окна, вовсе не так проста. Она встречается с главой гильдии убийц. Не с тобой, Дрейк. С «Багровой дланью». И делает она это не ради политики. Она делает это ради коллекции редких ядов, которую прячет в ножке своего стула.

Дрейк переваривал информацию. Слишком много переменных. Белла либо была гениальной шпионкой, либо пешкой в чужой игре. Но карты фамильного архива... Это могло сэкономить ему недели в Золотом Городе. Если он поймет логику подземных вод, он сможет предсказать, где эльфы нанесут следующий удар.

— Один танец, — сказал Дрейк.

— Что? — Белла опешила.

— Ты хочешь информацию из Западного крыла. Император не любит, когда его тени бегают по личным делам. Мне нужно прикрытие. Ты хочешь, чтобы я достал для тебя карты? Станцуй со мной. Публично. Так, чтобы весь зал решил, что у нас роман. Это отвлечет внимание Софии и Торна от моих настоящих перемещений.

Белла прищурилась, оценивая риски. Затем ее губы растянулись в улыбке. — Ты невыносим. Но ты мне нравишься.

Она протянула руку.

Дрейк взял ее пальцы. Они были холодными. В отличие от руки Лилианы, в ладони Беллы не было жизни. Только холодный расчет.

Он вывел ее в центр зала. На этот раз музыка была быстрой — «Огненный вихрь».

Танец с Беллой был похож на фехтование. Каждое движение было рассчитано на зрителя. Когда она прогибалась в его руках, открывая шею, это был вызов. Когда он прижимал ее к себе, выполняя сложную фигуру, это было обещание.

Весь зал замер. Маркиз Торн, стоявший у колонны с бокалом, сжал его так, что хрусталь лопнул, осыпав осколками его камзол. Лицо Торна стало цвета вареной свеклы. Он смотрел на Дрейка с чистой, незамутненной ненавистью.

Леди София, сидевшая в окружении своих бледных, как моль, фрейлин, тоже заметила их. Она смотрела на Дрейка поверх своего веера. В ее взгляде не было ревности. Там был профессиональный интерес коллекционера, нашедшего редкий экземпляр жука.

Дрейк чувствовал взгляды всей залы. Он чувствовал запах пота Торна, аромат духов Софии, страх юной фрейлины, уронившей веер. Он был центром паутины, и каждая нить дрожала.

— Ты слишком сильно сжимаешь мне руку, — прошипела Белла, когда музыка позволила им сблизиться. — Если сломаешь мне палец, я забуду, где лежат карты.

— Если Торн вызовет тебя на дуэль чести из-за этого танца, тебе понадобятся все пальцы, чтобы держать пистолет, — ответил Дрейк, закручивая ее в пируэте. — Улыбайся. Он смотрит.

Белла ослепительно улыбнулась, но в ее глазах плескался гнев.

Танец закончился. Дрейк поклонился, поднося ее руку к губам. — Благодарю за танец, графиня. Вы были... обжигающи.

— Ты был похож на кусок мрамора, который учится чувствовать, — парировала она. — Жду тебя в Западном крыле после полуночи. Третья дверь. Скажи страже, что несешь записку от меня. Они пропустят.

Она ушла, покачивая бедрами, оставив после себя шлейф жасмина и надвигающуюся бурю. Торн отделился от стены и направился к выходу из зала. Его походка была неустойчивой. Он шел не к каретам. Он шел в сторону казарм.

Дрейк проводил его взглядом. — Ваше высочество, — он склонился перед подошедшей Лилианой. Она сняла туфли и теперь стояла босиком, держа их в руке. Ее ноги в тонких чулках выглядели уязвимыми и детскими.

— Ты только что танцевал с Беллой так, что половина двора сейчас пишет сонеты о вашей порочной страсти, — сказала Лилиана. — А Торн только что ушел, и я готова поспорить на мое наследство, что он пошел точить кинжал.

— Он не посмеет, — ответил Дрейк. — Не сегодня. Открытое убийство на балу — это бунт. А Торн хочет жить в империи, которую он захватит, а не умереть ради нее.

— Ты говоришь как мой отец, — Лилиана вздохнула. — Это скучно.

Она надела туфли и посмотрела на балкон, где стоял император. Алекс беседовал с посланцем, но его глаза были устремлены вниз, на них. — Ты уезжаешь завтра, — это был не вопрос. — На рассвете.

— Будь осторожен, Дрейк, — голос Лилианы вдруг стал тише, лишившись привычной язвительности. — Там, на востоке, нет теней, в которых можно спрятаться. А ты... ты сделан из них. Солнце сожжет тебя дотла.

— Я буду пить много воды, — попытался пошутить он.

— Дурак, — она ткнула его кулачком в грудь, облаченный в шелк. — Обещай мне. Обещай, что вернешься. Кто-то же должен отгонять от меня этих напыщенных индюков.

Дрейк посмотрел в ее глаза. В них не было света принцессы. Там была просто тревога девочки, которая остается одна в клетке с тиграми. — Мой контракт не предусматривает смерти от солнечного ожога, — сказал он. — Я вернусь.

Он поклонился и растворился в толпе, направляясь к выходу. Ему нужно было успеть в Западное крыло до полуночи. Карты Беллы могли спасти ему жизнь. А взгляд Софии, которой он пренебрег ради Беллы, мог ее оборвать.

Западное крыло дворца после полуночи напоминало склеп. Коридоры освещались лишь тусклыми ночными лампадами. Воздух был спертым, пахнущим старой бумагой и воском.

Дрейк подошел к третьей двери. Замок был простым. Для любого другого. Дрейк коснулся медной ручки, направляя в металл тонкую нить своей сути. Тень не открывает замки, она делает их несуществующими. Засов просто перестал быть препятствием.

Дверь открылась беззвучно.

Кабинет Беллы был полной противоположностью аскетизму Алекса. Шелка, горы подушек, стойка с арбалетами тонкой работы и огромный стол из красного дерева.

Белла стояла у окна, глядя в сад. На ней был полупрозрачный пеньюар, не оставляющий места для сомнений в ее намерениях. — Я уж думала, ты не придешь, — сказала она, не оборачиваясь. — Или решил, что Торн тебя опередит.

— Маркиз сейчас пытается проткнуть шпагой подушку в своей спальне, — Дрейк закрыл за собой дверь. Замок встал на место с тихим щелчком. — Где карты?

— Сначала цена, — Белла повернулась. Пеньюар распахнулся, открывая кружевную сорочку. — Ты танцуешь с принцессой, флиртуешь со мной, игнорируешь Софию. Ты играешь в очень опасную игру, Дрейк. Император не единственный, у кого есть глаза в этом дворце.

— София, — Дрейк проигнорировал ее наготу, оставаясь стоять у двери. — Ты сказала, она покупает яды.

— Она их коллекционирует, — Белла подошла к столу, намеренно покачивая бедрами. — Но сегодня она получила партию «Поцелуя Ламии». Слышал о таком? Три капли — и человек умирает с улыбкой на лице, считая, что его обнимает ангел. София не из тех, кто прощает пренебрежение. Ты танцевал со мной, Дрейк. Ты унизил ее. А она не из тех, кто спускает унижения.

— Я здесь не за уроками светской этики, — голос Дрейка стал ниже, в нем появились опасные вибрации. — Карты. Или я уйду, и пусть твой замок остается закрытым до прихода стражи, которая найдет здесь постороннего.

Белла надула губки, но подошла к картине с изображением охоты. Она сняла ее со стены. За картиной оказался сейф. — Ты такой нетерпеливый, — пробормотала она, крутя диск замка. — Вся эта холодность... Она сводит с ума. Ты хоть знаешь, что такое страсть, Дрейк? Или ты умеешь только отнимать жизни?

Сейф щелкнул. Белла достала тяжелый тубус из кожи виверны. — Здесь старые карты. Западные топи, подземные реки. Все, что осталось от моего прадеда.

Она протянула тубус Дрейку. Но не выпустила из рук. — Скажи мне, — ее зеленые глаза оказались в дюйме от его лица. — Когда ты смотришь на Лилиану... ты хоть что-то чувствуешь? Там, в твоей ледяной груди?

Дрейк смотрел на нее. Он видел не женщину. Он видел переменную. Он видел инструмент. Он видел красивую, смертельно опасную ловушку.

Его рука, затянута в черную перчатку, легла на ее талию. Белла замерла, ожидая поцелуя или объятия.

Вместо этого пальцы Дрейка нащупали корсет под пеньюаром. Одно резкое, точное движение. Хлопок — и шнуровка лопнула. Стальные пластины корсета, спрятанные под шелком, со звоном посыпались на ковер.

Белла ахнула, хватая ртом воздух. Освобожденные легкие жадно втянули кислород. — Дыши, — сказал Дрейк, забирая тубус из ее ослабевших пальцев. — В тесном корсете трудно плести интриги. Кислородное голодание делает мысли путанными.

Он отступил к двери. — Передай Софии, — бросил он через плечо, — что если «Поцелуй Ламии» окажется в моем кубке, я верну его ей лично. Внутрь. Через глазницу. И я не буду использовать яд. Только мой палец.

Он вышел, оставив Беллу растерзанную, задыхающуюся и впервые за долгое время — абсолютно серьезную.

Дрейк вернулся в свои покои, когда небо на востоке только начало сереть.

Он запер дверь на тяжелый засов. Не доверяя магии, он придвинул к двери тяжелый дубовый комод.

Тубус лег на стол. Дрейк сломал печать из сургуча. Внутри, свернутые в трубку, лежали пожелтевшие пергаменты.

Он развернул первый. Карта была нарисована от руки, чернилами и кровью. «Песня Глубин». Древние гномьи туннели, отмеченные пунктиром. Выход на поверхность в районе старых каменоломен. Место, где третий батальон Гривса должен был ждать эльфов.

Дрейк провел пальцем по линии реки. Белла не солгала. Карты были подлинными. Это означало, что ее семья веками знала о том, что под империей течет вторая, тайная империя воды.

Он свернул карты и спрятал их во внутренний карман фрака, который так и не снял. Одежда пахла духами Беллы и дымом свечей. Чужой запах. Чужая жизнь.

Дрейк подошел к окну. Солнце еще не взошло, но тьма уже начала редеть, уступая место серому, безжизненному свету утра.

Он посмотрел на свои руки. В лунном свете кожа казалась почти прозрачной. Он подумал о Лилиане. О ее тепле. О том, как она смеялась, когда он наступил ей на ногу.

«Ты сделан из них. Солнце сожжет тебя дотла».

Дрейк задул свечу на столе. Комната погрузилась в абсолютный мрак. Здесь, в своей стихии, он чувствовал себя в безопасности.

До рассвета оставалось два часа. До отплытия «Северной звезды» — три.

Завтра он ступит на палубу. Он станет Эриком, торговцем мехами. Он будет пить, торговаться и бояться шторма. Он будет играть роль живого человека.

Но сейчас, в темноте своей спальни, он позволил себе быть тем, кем был. Пустотой. Оружием, которое Алекс отправлял в самое сердце врага.

Дрейк лег на кровать, не снимая сапог. Он закрыл глаза, погружаясь не в сон, а в состояние полного покоя. Ему предстояло самое сложное испытание в его жизни — выжить под солнцем, не отбрасывая тени.

А когда он проснется, начнется настоящая игра. Игра, где ставкой была не просто жизнь принцессы или границы империи, а само равновесие мира. И Дрейк знал, что в этой игре он — не игрок. Он — карта, которую разыгрывают. И он должен сделать все, чтобы эта карта оказалась козырной.

Глава 6. Черное пламя возмездия

Золотое море встретило «Северную звезду» равнодушным штилем.

Две недели плавания стерли с Дрейка налет имперской столицы. Морской ветер выдул кожу, а постоянное солнце, которое он так ненавидел, заставило его носить широкополую шляпу из грубой соломы, закрывавшую лицо. Он стал Эриком, торговцем мехами, до кончиков ногтей. Он научился громко торговаться из-за каждой медной монеты, пить дешевый ром в портовых тавернах и жаловаться на налоги. Его маска стала его второй кожей.

Но под маской торговца, под слоем фальшивого добродушия, жила пустота. И сейчас эта пустота смотрела на берег Солнцехейма.

Империя Солнца лежала перед ним, словно драгоценность, брошенная на черную ткань. Белый камень причалов, мраморные башни, увитые золотыми лозами, и главное — свет. Солнце здесь не просто светило, оно царствовало. Оно отражалось от каждой поверхности, превращая город в гигантский маяк, ослепляющий любого, кто смотрел на него слишком долго.

Для Дрейка этот свет был пыткой. Его магия тени, его суть, съеживалась под этими лучами. Здесь, в сердце врага, он был уязвим, как никогда.

— Стоим на рейде, господин Эрик, — прохрипел над ухом капитан Борин. Старый контрабандист выглядел помятым, но довольным. — Таможня будет через час. Золотишко для их капитана уже в моем левом сапоге. Если твой «особый товар» для магистра Ионы — это то, о чем я думаю, советую молиться, чтобы он не вонял. Их ищейки чуют магию лучше, чем крысы — сыр.

— Эссенция «Ледяного сердца» не пахнет, — ровно ответил Дрейк, не отрывая взгляда от берега. — А мехи пахнут деньгами. Это единственное, что интересует их таможню.

— Надеюсь, — Борин сплюнул за борт. — Потому что если они найдут в твоём сундуке то, что я туда не клал, нас вздернут на одной рее. Мне моя шея еще дорога.

Дрейк промолчал. Он смотрел на порт. Его цель была не в Золотом Городе. Иона, лекарь императора Деймоса, жил в Верхнем квартале, за тремя кольцами стен. Чтобы добраться до него, нужно было пройти таможню, разгрузить товар, найти крышу над головой и внедриться в окружение алхимика. Это требовало времени.

А времени у Дрейка не было. Император Алекс ждал результатов. И Дрейк решил дать ему первый результат сегодня ночью.

Согласно докладам разведки, в десяти милях к северу от столицы, в скрытом ущелье Железная Пасть, Солнцехейм строил флот. Не торговые суда. Левиафаны. Огромные осадные корабли, способные перевозить сотни магов-погодников и баллисты, стреляющие копьями из чистого света.

Склад в Железной Пасте был сердцем этой машины. И сегодня ночью Дрейк собирался вырвать это сердце.

Таможня прошла на удивление гладко.

Золото Борина сделало стражников слепыми, а имперские документы Эрика, дополненные взяткой в виде бочонка медовухи, заставили их лишь лениво пнуть мешки с мехами. Сундук с эссенцией Дрейк нес сам. Он поставил его прямо перед носом главного таможенника — толстого мага в белой тоге.

Маг поводил над сундуком руками, бормоча заклинания обнаружения. Дрейк стоял рядом, опустив голову. Он не использовал магию тени — она вспыхнула бы на их амулетах, как пожар. Вместо этого он использовал другую грань своего дара. Он стал «серым». Он не излучал ни тьмы, ни света. Он стал пустым местом, на которое магу было лень смотреть дважды.

— Меха, — констатировал таможенник, вытирая пот со лба. — Тяжелые. Иди, торговец. Да не вздумай продавать свои шкуры на нижнем рынке, там дерут втридорога. Иди в квартал Гончаров.

Дрейк поклонился, поблагодарил его и сошел на раскаленный мрамор причала.

Квартал Гончаров оказался идеальным прикрытием. Узкие, кривые улочки, запах обожженной глины, сажи и пота. Здесь, среди мастеров, делающих горшки для всей империи, человек в пропыленной дорожной одежде не вызывал вопросов.

Дрейк снял комнату на чердаке у вдовы-гончара. Комната была крошечной, с единственным окном, выходящим на глухую стену соседа. Но Дрейку не нужен был вид. Ему нужна была тишина и отсутствие лишних глаз.

Солнце палило нещадно. Дрейк задвинул заслонку на окне, погрузив чердак в полумрак. Он достал из мешка флягу с водой и сделал скупой глоток. Его тело, привыкшее к холоду теней, теряло влагу в этом климате вдвое быстрее.

Он ждал.

Когда колокола на главной башне пробили полночь, а город залило призрачным лунным светом, Дрейк начал приготовления.

Он снял одежду торговца. Под ней оказалась вторая кожа — костюм из тончайшей черной кожи, сшитый в Западных топях мастерами, которые понимали нужды убийц. Костюм поглощал свет, делая его почти невидимым даже в лунных лучах.

Дрейк подошел к своему сундуку. Эссенция «Ледяного сердца» была на месте. Но рядом с ней лежало то, что не значилось ни в одном манифесте «Северной звезды».

Черный обсидиан. Три осколка размером с кулак. Дрейк достал один. Камень был ледяным на ощупь, хотя на чердаке стояла удушающая жара. Это был не просто минерал. Это был осколок древней тьмы, добытый в пещерах под Ледяными пиками. Камень, который ненавидел свет.

Дрейк сжал его в ладони. Он закрыл глаза. Ему не нужна была магия тени — здесь, в залитом луной городе, тени были слишком короткими и бледными. Ему нужна была магия пустоты.

Он представил, как его сердце замедляет ход. Как кровь в жилах остывает. Как его дыхание становится невидимым. Он вбирал в себя жар комнаты, отдавая взамен холод камня.

Затем он открыл глаза.

Его зрачки расширились, поглотив радужку. На мгновение его лицо превратилось в череп, обтянутый кожей, а вокруг фигуры за клубился черный дым, не отбрасывающий тени.

Дрейк шагнул к окну. Он не стал открывать ставни. Он просто прошел сквозь стену.

Для него стена перестала быть препятствием. Он был тенью, а тень не знает преград. Мгновение дезориентации, чувство, будто его тело пропустили через ледяную мясорубку, и он оказался на узкой улочке снаружи.

Черный дым рассеялся, возвращая ему вид обычного прохожего, если не считать глаз. Но в Квартале Гончаров в это время спали даже собаки.

Дорога к Железной Пасти заняла два часа бега.

Дрейк двигался по крышам. В Солнцехейме крыши были плоскими, покрытыми белой черепицей, которая в лунном свете резала глаза. Дрейк бежал, используя технику «скольжения» — он не касался черепицы подошвами, а скользил над ней на тончайшей прослойке уплотненного воздуха и воли. Это экономило силы и не создавало шума.

Ущелье Железная Пасть открылось внезапно. Это был гигантский разлом в скалах, уходящий к морю. И там, в этом природном доке, стояли они.

Левиафаны. Огромные корабли, корпуса которых были обшиты не деревом, а листами полированного серебра. На их носах красовались фигуры золотых драконов. Но самым страш-

ным были их орудия. Вдоль бортов, в специальных пазах, лежали копья из матового стекла. Дрейк видел их в магическом спектре. Они были наполнены концентрированным солнечным светом. Одно такое копьё могло пробить крепостную стену столицы Алекса.

Склад находился в глубине ущелья — вырубленные в скале пещеры, закрытые массивными бронзовыми воротами. У ворот стояла стража. Двадцать человек в белых доспехах. И два мага.

Дрейк замер на гребне скалы, глядя вниз. Нападение в лоб — самоубийство. Двадцать солдат, два мага света, которые испепелят его тень в мгновение ока, и сотни рабочих внутри.

Он посмотрел на свои руки. В них все еще был зажат осколок обсидиана. Дрейк улыбнулся. Император отправил его сюда не для того, чтобы он крался, как вор. Ему нужно было послать сообщение. Панику.

Он сжал камень.

Дрейк не стал спускаться в ущелье. Он просто шагнул вперед, с края скалы. Вместо падения он растворился. Он стал черной молнией, летящей по воздуху. Он не использовал крылья или магию левитации. Он падал, но падал *вбок*, вдоль скальной стены, используя гравитацию лишь как направляющую для своего скольжения в пустоте.

Он приземлился за спиной у левого мага. Стражники даже не успели обернуться.

Дрейк не обнажил клинка. Он ударил открытой ладонью в спину мага, прямо между лопаток.

Он не вложил в удар физическую силу. Он вложил в него обсидиан. Черный камень вошел в тело мага, не прорвав тунику, но пройдя сквозь нее, как сквозь воду.

Маг света умер мгновенно. Его связь со стихией, которую он боготворил, была разорвана. Свет внутри него погас. Человек осел на песок кучей белых доспехов, не издав ни звука.

Второй маг развернулся, начиная плести заклинание. Его руки окутались слепящим золотом. — Тревога! Тень в ущелье!

Дрейк не стал ждать завершения плетения. Он метнул второй осколок обсидиана. Не как нож. Он бросил его так, чтобы тот упал в десяти шагах перед магом.

Камень ударился о гранит ущелья. И взорвался.

Но это не был взрыв огня или камня. Это был взрыв Тьмы. Из осколка вырвалось Черное пламя.

Оно не было горячим. Оно было холодным. Абсолютный ноль, воплощенный в цвете. Пламя не лизало камни — оно их пожирало. Бронзовые ворота склада, находившиеся в эпицентре, начали истаять, как воск. Золотые фигуры на кораблях потекли лужами металла.

Стражники закричали. Черное пламя не обжигало кожу — оно сжигало душу. Те, кого коснулись его языки, падали на колени, выцарапывая себе глаза. Они не чувствовали боли тела, они чувствовали, как исчезает их воля, их память, их «я». Они превращались в пустые, кричащие оболочки.

Маг света выставил щит. Золотая сфера вспыхнула, отражая натиск. Дрейк понял, что маг слишком силен для простого осколка.

Дрейк рванулся вперед. Он бежал сквозь хаос. Черное пламя не трогало его — тьма признает свою. Стражники расступались перед ним, объятые первобытным ужасом перед существом, которое несет на себе это проклятие.

Дрейк прыгнул. Он оттолкнулся от плеча падающего солдата и взлетел в воздух, нанося удар ногой в бок магу. Удар был усилен инерцией и магией. Бронзовые пластины доспеха смялись, как бумага. Маг отлетел к стене, его золотой щит дрогнул.

Этого хватило. Дрейк приземлился, перекатился и метнул третий, последний осколок обсидиана. Он целился не в мага. Он целился в основание ворот склада.

Осколок вошел в бронзу. Раздался звук, похожий на крик самой вселенной. Черное пламя вырвалось наружу, но на этот раз оно было контролируемым. Дрейк сжал кулак, и пламя ударило узким, концентрированным потоком.

Бронза, камень, скала — все превратилось в пепел. Ворота просто исчезли, оставив после себя дымящийся, идеально круглый проход.

Внутри склада началась паника. Сотни рабочих, магов и инженеров, пытавшихся спасти осадные копья, заматались в ловушке.

Дрейк вошел внутрь. Здесь пахло озоном, расплавленным металлом и жженым волосом. Черное пламя, просочившееся вслед за ним, ползло по стенам, пожирая запасы масла и дерева. Оно двигалось медленно, неотвратно, оставляя за собой лишь серую, невесомую пыль.

— Закройте внутренние заслонки! — кричал кто-то в глубине. — Активировать защитные руны!

Вокруг Дрейка вспыхнули линии света. Солнцехеймцы были мастерами световой магии. Потолок пещеры засиял, заливая все ослепительным, режущим глаза сиянием.

Для обычного человека это стало бы концом. Слепота и боль. Для Дрейка это было лишь сменой декораций.

Ослепительный свет убил последние остатки теней в пещере. Но он не убил Дрейка. Он просто заставил его сбросить маску.

Черная кожа его костюма задымилась, поглощая излишки фотонов. Его глаза, и без того темные, стали двумя провалами в бездну. Он больше не был Эриком, торговцем. Он не был даже Тенью.

Он стал Черным Пламенем в человеческом обличье.

Он шагнул к ближайшему рабочему, который пытался поднять тяжелое копье светового орудия. Дрейк не ударил его. Он просто схватил его за лицо.

Его ладонь была ледяной. Рабочий замер. Его глаза расширились. Дрейк не читал его мысли — он вырывал их. Он погрузил пальцы в сознание человека, как в мягкую глину. Он не искал информацию. Он искал страх. Он питался им.

Рабочий обмяк, повиснув на руке Дрейка. Его разум выгорел от одного соприкосновения с абсолютной пустотой.

Дрейк отшвырнул тело. Оно ударилось о стойку с копьями. Одно из стеклянных орудий упало. Оно не разбилось. Оно вонзилось в грудь другого инженера, пробив его насквозь. Но вместо крови из раны хлынул ослепительный свет. Инженер закричал, и его тело начало таять, превращаясь в пар и фотоны.

Начался ад. Паника — лучший союзник диверсанта. Солнцехеймцы, привыкшие полагаться на свою магию света, столкнулись с силой, которая эту магию отрицала. Черное пламя ползло по ящикам с припасами. Оно не взрывалось. Оно просто заставляло материю *не существовать*.

Дрейк двигался сквозь этот хаос, как коса сквозь пшеницу. Он не убивал всех. Это было бы неэффективно. Он убивал тех, кто пытался организовать сопротивление. Командиров. Магов.

Он нашел главного инженера у пульта управления в дальнем конце пещеры. Человек в красной мантии лихорадочно крутил рычаги, пытаясь опустить стальные переборки и отрезать зараженную часть склада.

Дрейк подошел к нему со спины. — Свет всегда отбрасывает тень, — тихо сказал он на чистом языке Солнцехейма.

Инженер обернулся. Увидев лицо Дрейка — лицо без эмоций, глаза без белков — он выронил рычаг. Его губы затряслись в молитве их Солнечному Богу.

— Твой бог отвернулся, — сказал Дрейк.

Он положил руку на пульт управления. Медные рычаги, закаленные рунами, начали плавиться под его пальцами. Дрейк влил в металл свою волю.

По всему складу пронесся скрежет. Но это был не звук закрывающихся дверей. Это был звук деформации. Стальные переборки, которые должны были спасти людей, начали сминаться внутрь, превращая тех, кто стоял рядом, в кровавый фарш. Магия Дрейка обратила защиту в ловушку.

— Нет! — закричал инженер, пытаясь оттолкнуть Дрейка.

Дрейк схватил его за горло. Он поднял тяжелого мужчину одной рукой и впечатал в стену. — Передай своему императору, — прошипел Дрейк, глядя в полные ужаса глаза. — Это аванс. За интерес к западным границам.

Он сжал пальцы. Шея инженера хрустнула, но Дрейк не остановился. Он продолжал давить, пока голова мага не превратилась в бесформенное месиво.

Дрейк отпустил труп. Он посмотрел на свои руки. Они были по локоть в крови, но кровь не пачкала его черную кожу — она просто испарялась от жара, который теперь исходил от тела Дрейка. Черное пламя, бушевавшее в пещере, начало откликаться на его гнев. Температура в ущелье поднялась. Снег, лежавший на вершинах скал над ущельем, начал стремительно таять, вызывая небольшие лавины.

Дрейк вышел из склада. Вход снова был закрыт — теперь уже стальными листами, которые Дрейк намертво сплавил со скалой. Внутри бушевало Черное пламя. Левиафаны, их орудия, их запасы и их экипажи превращались в пепел.

Дрейк стоял посреди разгромленного лагеря. Вокруг него лежали тела. Кто-то был сожжен черным огнем, кто-то — ослеплен собственным светом, кто-то — просто умер от разрыва сердца при виде его лица.

Он посмотрел на небо. До рассвета оставалось еще три часа.

Дрейк поднял руку. На его ладони лежал крошечный уголек Черного пламени. Он не давал ему угаснуть, подкармливая своей яростью.

Он сдул уголек с ладони. Пламя не улетело по ветру. Оно рванулось вверх, в небо, оставляя за собой шлейф абсолютной черноты.

Это был сигнал. Не для Алекса. Для Солнцехейма. Огненная надпись, зависшая над ущельем на несколько секунд, прежде чем развеяться: *«Тень не знает границ»*.

Дрейк бежал обратно к Золотому Городу. Его силы были на исходе. Использование Черного пламени такого масштаба выжгло его изнутри. Он чувствовал вкус крови во рту. Его магический резервуар был пуст. Теперь он был уязвим, как обычный человек.

Когда он достиг окраин столицы, небо на востоке начало светлеть. Самый опасный момент. Ложиться спать в подворотне он не мог — городская стража Солнцехейма была натаскана на поиск чужаков на рассвете.

Он нырнул в переулок, заваленный пустыми бочками. Здесь, в щели между каменной стеной и поленницей, была тень. Она была бледной, предрассветной, почти несуществующей. Но для Дрейка она была спасением.

Он втиснулся в эту щель. Он свернулся клубком, подтянув колени к груди, обхватив себя руками, словно пытаясь удержать распадающееся сознание. Он не спал. Он впадал в состояние анабиоза, доступное лишь тем, кто прошел ритуалы Серых Палат. Его сердце билось раз в минуту. Его дыхание было неотличимо от сквозняка.

Он стал частью мусора в переулке.

Солнце взошло. Его первые, самые яростные лучи ударили по крышам Золотого Города. Они осветили переулок. Они коснулись лица Дрейка.

Черная кожа его костюма задымилась. Дрейк не пошевелился. Он позволил свету жечь себя. Боль была адской, но она удерживала его в сознании, не давая провалиться в настоящий сон, который на свету означал бы смерть.

Он лежал так до полудня, пока солнце не поднялось в зенит, а его лучи не стали почти отвесными, перестав доставать до дна узкого переулка.

Только тогда тьма в щели стала достаточно густой, чтобы Дрейк смог пошевелиться. Он выполз наружу. Его лицо было покрыто волдырями, костюм превратился в лохмотья. Он выглядел как нищий, переживший чуму.

Дрейк пошатываясь, вышел на людную улицу. Вокруг кипела жизнь. Торговцы кричали, расхваливая фрукты, жрецы били в гонги, призывая к молитве. Никто не обращал внимания на израненного бродягу.

Дрейк зашел в общественную купальню. Он заплатил медную монету старику-смотрителю, даже не глядя на него. В темном углу раздевалки, куда не падал свет из окон, он стянул с себя остатки черного костюма.

Его собственное тело было покрыто ожогами. Черные, обугленные полосы там, где свет коснулся кожи.

Он вошел в горячую воду. Пар скрыл его. Тьма в этой влажной, закрытой от солнца комнате была густой. Дрейк опустил в воду с головой, смывая кровь, пепел и запах смерти.

Когда он вынырнул, он снова был спокоен. Ожоги на его теле начали медленно затягиваться — регенерация, усиленная тьмой, делала свое дело. Но он знал, что шрамы останутся. Солнце оставило на нем свою метку.

Он оделся в простую тунику, купленную у старика за пару монет, и вышел в город.

Его миссия изменилась. Склад уничтожен. Это была демонстрация силы. Но настоящая цель — Иона — все еще была жива. Дрейк знал, что после сегодняшнего пожара в Железной Пасти вся стража города будет стоять на ушах. Его будут искать. Искать демона, несущего черное пламя.

Это было ему на руку. Когда ищут демона, никто не смотрит на испуганного торговца мехами, который стучится в ворота дома лучшего алхимика империи.

Дрейк поправил капюшон и пошел по залитым солнцем улицам Золотого Города. Его тень была короткой и черной, как деготь. Она ползла за ним по раскаленным плитам, словно верный пес, напоминая, что даже в самом светлом месте мира всегда есть место для тьмы.

Он шел на встречу с магистром Ионой. И он нес с собой не только эссенцию «Ледяного сердца». Он нес в себе Черное пламя возмездия, и оно было голодно.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.